

«АХАРНОВ»

ОДИННАДЦАТЬ
ВОСЬМИНОГИХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

С. САХАРНОВ

ОДИННАДЦАТЬ ВОСЬМИНОГИХ

П О В Е С Т Ъ

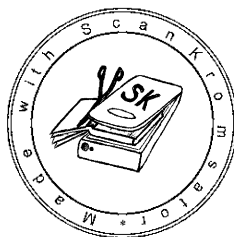
РИСУНКИ
Т. ОБОЛЕНСКОЙ,
Б. СТАРОДУБЦЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД 1965

Эта книга о школе. Правда, в ней есть кое-что о любви, о стороже Ксанфе, о машинах-математиках, о том, как ловят на удочку морских собак, и о ветре, который туманной ночью раскачивает бронзовый колокол у Корсонеса.

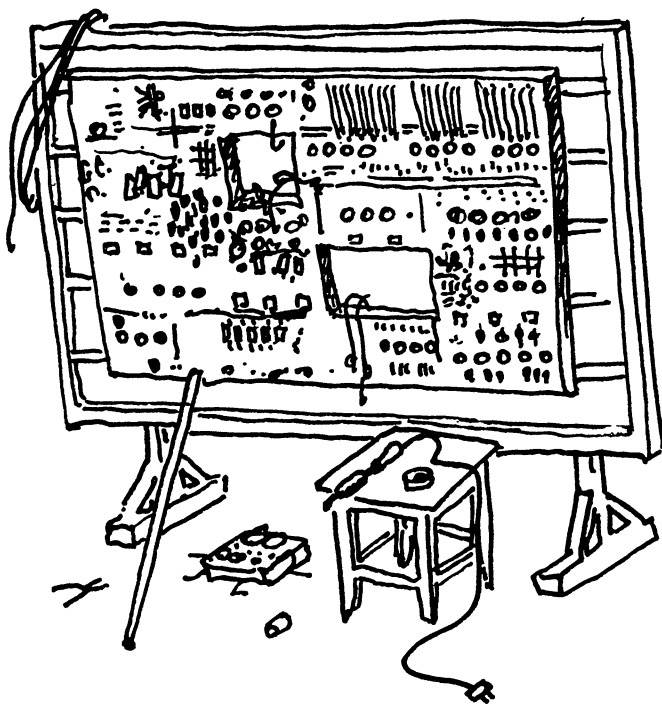
Но это потому, что ребятам, о которых написана книга, было всем по тринадцати лет. Им надо было знать всё.

Scan AAW

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДВАЖДЫ ДВА— ПЯТЬ

ВЕСНА

Весна начиналась в феврале.

Ещё неделю назад на виноградниках островками лежал снег. Шумело угрюмое море. С моря на берег то и дело набегали короткие злые дожди.

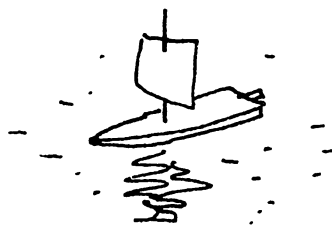
И сразу накатывало тепло.

Море становилось густо-синим. По морю, подпрыгивая на волнах, плыли облака. Это уходил туман. Из тёмных глубин к берегу возвращались пучеглазые камбалы.

На берегу таял снег. Дымилась красноватая земля. Зелёная щетинка трав била в трещины тротуаров. По Корабельной стороне волнами гулял дым — сжигали прошлогоднюю листву.

В Матросском сквере длиннорукие парни натягивали между столбами блестящие волейбольные сетки.

Из окон на них с завистью поглядывал шестой «а».

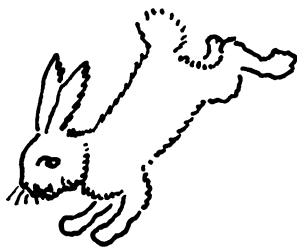
НЕКРАСОВ, СТЕПАН И ЗАЙЦЫ

— Итак, мы познакомились с несколькими произведениями великого русского поэта Некрасова, который в своих стихах отразил нелёгкую долю...

В шестом «а» стояла тишина. Потому что весна. Потому что сегодня первый жаркий день.

Шестой «а» разомлел.

— ...нелёгкую долю русского крепостного крестьянина, — закончила Лидия Гавриловна. — Марокко, из каких

стихотворений Некрасова мы узнаём о тяжёлой доле русского народа при крепостном праве?

Степан Марокко медленно встал.

— Жизнь русского народа при царе и помещиках была тяжёлой, — басом начал он.

— Правильно.

— Про це писал великий русский поэт Некрасов.

— Тоже верно.

Над партами пронёсся весёлый шумок.

— Вин писал про це...

Люда Усанова подняла руку.

С задней парты забормотали:

— ... «Железная дорога»... «Орина — мать солдатская»... «Выдь на Волгу...»

Пим сидел за самой спиной Марокко. Разве можно смолчать?

И Пим не выдержал:

— «Дед Мазай и зайцы».

— ... «Железная дорога»... «Орина — мать солдатская»... «Выдь на Волгу...» — настаивала задняя парта.

Степан ещё раз, на всякий случай, пробубнил:

— Про це Некрасов... писал...

— «Дед Мазай и зайцы», — упорствовал Пим.

Класс притих.

Степан слышал слово «Мазай», но, чувствуя подвох, понял: надо быть самостоятельным.

— «Дед Макар и зайцы», — решительно отрубил он.

Класс взвыл от восторга.

Лидия Гавриловна всплеснула руками, а затем пристально посмотрела на Пима.

Пим ответил ей ясным взглядом честного человека.

Лидия Гавриловна вздохнула.

— Усанова!

Люда Усанова вскочила.

— В стихотворении «Орина — мать солдатская» Некрасов отразил...

КСАНФ

Литература была последним уроком.
Прозвенел звонок.

Затолкав учебники в портфель, Пим бросился из класса. Коридор — лестница — двор. Во дворе он столкнулся со сторожем.

— Привет, Ксанф!

Школьный сторож отпрянул в сторону, потёр задетую портфелем руку, сощурил близорукие глаза, пытаясь узнать в тёмном удаляющемся пятне мальчишку.

КТО БЫ ЭТО МОГ БЫТЬ?

Ксаверий Антонович Фалинский поморщился. Тёмное пятно метнулось вправо, влево и наконец исчезло.

БУХТА ВОСЬМИНОГОВА

Дом, в котором жил Пим, стоял на берегу бухты.

Четырёхэтажный новый дом из серых железобетонных плит. На крыше — две телевизионные антенны.

Дом как дом.

А бухта называлась странно: бухта Восьминогова.

Кто такой Восьминогов?

Говорили разное.

Поручик

Говорили, что Восьминогов был поручиком суворовской армии. Армия разбила турок в Крыму. За отличия в боях поручику была пожалована земля. Клочок земли на берегу тёплой черноморской бухты.

Поручик умел воевать. Он умел спать в седле.

Умел первым врываться на стены вражеских крепостей. Хозяйствовать он не умел. Он не сумел распорядиться землёй и разорился. Спустя некоторое время умер.

Бухту называли его именем.

Купец

Ещё говорили, что Восьминогов был купцом. Толстым купцом. Самым толстым и самым богатым в городе. Купец боялся воды. Боялся моря и никогда не ездил на пароходе.

Однажды он чуть было не разорился. Чтобы спасти капитал, ему пришлось срочно ехать в Одессу. Купец сел на пароход. Пароход затонул у самого берега. Купца еле спасли.

Тогда на последние деньги он построил доходный дом. Участок ему отвели на берегу моря. По просьбе купца архитектор построил дом так, чтобы ни одно окно не выходило на море.

В войну этот дом сгорел. На его месте построили новый — тот, в котором жил Пим.

Капитан

Наконец, поговаривали, что Восьминогов был знаменитым капитаном. Он плавал на торговом судне. Однажды в Атлантике он подобрал шлюпку с горстью полуживых людей — их пароход погиб при столкновении с льдиной.

Прошло много лет. Капитан состарился и вышел на пенсию. Он жил в Приморске. В маленьком домике на Корабельной стороне. Тёплым летним днём почтальон принёс в домик письмо. В нём сообщалось, что после двадцати лет розысков ему вручается денежный приз за спасение моряков, потерпевших кораблекрушение.

Капитану не нужны были деньги. Он слишком хорошо знал, что теряют люди, приобретая их. На призовые деньги он

построил на берегу безымянной бухты дом для престарелых моряков. Все окна его выходили на море...

Пиму больше всего нравилась легенда о капитане.

С УМА СОШЛИ С ЭТИМ ФУТБОЛОМ

Маленький Язык сидел на камне. На большом плоском инкермане, отполированном сотнями штанов.

Пим вёл мяч.

Он бежал неторопливо. Рысцой. Вытянув шею и выбирая, кому паснуть.

Когда Рафик бросился на него, Пим сделал вид, что отдаёт мяч. Но не отдал. Он протолкнул мяч мимо Рафика и очутился один на один с вратарём.

В воротах стояла Зойка. За её спиной был дом. Вечерними разноцветными огнями горели окна.

Закусив губу, Зойка ждала.

Пим сделал шаг.

Зойка бросилась ему в ноги.

Пим носком изо всех сил пустил мяч в ворота.

«Дзынь!»

С тонким звоном разлетелось стекло.

Наступила тишина.

Мальчишки бросились врассыпную.

Трёхлетний Язык сидел на камне. Он смотрел на жёлтую землю, усыпанную голубыми осколками. На красный мяч, медленно катящийся по двору.

Очень красивый красный мяч.

— Стекло разбили! Пионеры называется!.. Милиция!!

Из подъезда выбежала Языкина мать. Собрались прохожие. Расстёгивая на ходу планшетку, к дому подошёл участковый милиционер Эдик.

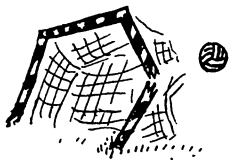
— Так, — сказал он. — Опять эти восьминогие?

Покапав из авторучки на землю, он сел писать акт. Мать Языка называла фамилии ребят. Пима она назвала первым. Зойку — второй.

С УМА СОШЛИ С ЭТИМ ФУТБОЛОМ. ЖИЗНИ НЕТ!

БОЛЕЗНЬ НОМЕР ОДИН

Да, футбол для Приморска был не просто игрой.

ЭТО БЫЛА БОЛЕЗНЬ.

— Болезнь номер один! — говорила Лидия Гавриловна. — Не понимаю: что вы нашли в нём хорошего, мальчики?

Хорошего?..

В дни футбольных матчей город вымирал. Не работали магазины, мороженицы и парикмахерские.

Дым из трубы завода сочился в полсилы.

Троллейбусы шли с перебоями. Проезжая мимо стадиона, где кипела игра, водители останавливали машины и с надсадой кричали:

— Какой счёт?..

В футбол играли большие и малые. Все, кроме женщин и стариков.

Старики «болели».

На Приморском бульваре, у памятника знаменитому русскому хирургу Пирогову, собирались старейшие болельщики.

Они знали всё: кто будет вратарём сборной города, сколько раз Гиви, центральный нападающий «Авангарда», мячом ломал штанги, что такое «сухой лист».

Белые свечи каштанов горели над головами футбольных мудрецов.

Море одобрительно шелестело о цементные плиты набережной.

Море тоже любило футбол.

МАТЬ

— Что ты ел в школе?

— Булку.

— А ещё?

— Компот.

Пим помолчал.

— У нас завтра новый математик.

— Кто?

— Виктор Петрович, из девятого «б». Говорят, вредный!

И придира.

— Да?

Мать вышла в прихожую и вернулась с ящиком, чёрным, с блестящим металлическим замком.

Замок щёлкнул. На столе появилась машинка. Новая пишущая машинка с зелёной клавиатурой.

Такая, о какой она мечтала.

Мать вставила в машинку лист бумаги и застучала:

«Цок-цок-цок-трррр-р...»

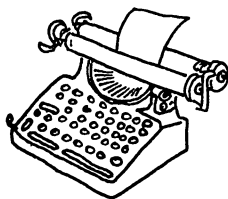
йукеннгршошлэдзжѣывапроячѣмтьбюѣкнух Проба...
проба... Мой сын на прошлой неделе вместо того,
чтобы обедать, откладывал деньги на футбол.

— Мама, нам всё равно к лету нужен мяч.

А мне нужен здоровый ребёнок. Проба... проба...
№§-:,. -?%цэ/)йукенгшщзхЪЖДЛОРПА=ВыФячѣсммиьбюя!

Когда мать, кончив печатать, ушла на кухню, за машинку уселся Пим.

п р и ехэлцИРк,
послешколы пойдѣм ТУДА

— А ну, не балуйся! — сказала, вернувшись, мать. — С кем это ты собираешься в цирк?

— С Сергеем.

Мать покачала головой. Потом она закрыла машинку и поставила её на окно.

— Ты знаешь, и не конец года, а столько отчётов! Пальцы немеют.

Она пошевелила пальцами, как первоклассница — мы писали, мы писали! — и подошла к окну.

За окном чёрной маслянистой рекой текло шоссе.

Оно начиналось в центре города, выходило на окраину и через степь, мимо развалин Корсонеса, убегало к Севастополю. По шоссе мчались машины. Покачиваясь, плыли прозрачные троллейбусы.

У самого дома троллейбусы разворачивались. Постояв, уходили обратно в город.

За троллейбусным кольцом до самого Корсонеса тянулась слобода. Пышные сады и черепичные крыши маленьких домиков.

В СЛОБОДЕ ЖИВУТ ВСЕ ХУЛИГАНЫ. НАПРАСНО ПИМ СДРУЖИЛСЯ С ЭТИМ СЕРГЕЕМ!

Мать вздохнула, ещё раз пошевелила пальцами и снова пошла на кухню.

От отца второй месяц нет писем...

ОТЕЦ

Последнее письмо пришло под Новый год.

«Здравствуйте, жена моя Мария и сын Петр! — писал отец. — Средиземное море прошли тихо. Вторую ночь вожусь с движком. Греется и всё. Первый порт теперь будет Конакри. Жители там гвинейцы. Очень прошу тебя, Петр, хорошо учиться. Если обратным ходом будем в Афинах, куплю тебе, Лара, кофточку. Сегодня на машинный люк запрыгнул из воды кальмар. Нос у него как

у попугая. У вас тоже скоро будет жара. Петр, если будешь подклеивать маску, подклеивай 88-м клеем и не бери бэ-эф. Целую вас обоих и за неимением времени кончаю Ваш отец Иван».

Мать разгладила пальцами письмо, незаметно исправила в слове «кофточка» «а» на «о» и поставила после слова «кончаю» точку.

Затрещали диванные пружины. Пим вздохнул во сне, вернулся на другой бок.

ТЭК-С!

Звонок ещё не умолк. В классе все были на местах.

— Ой, девочки, идёт!! — испуганно шепнула Люда.

В коридоре послышались шаги. Дверь открылась. В класс вошёл новый математик.

— Тэк-с... — сказал он. — Здравстуйте!

Он положил толстый портфель на стол, покосился на кусок мела и циркуль, приготовленные дежурным. Вынул из портфеля папиросную коробку. Достал из коробки свой тонко заточенный, обёрнутый бумажкой мел. Подошёл к доске.

— Тэк-с... — повторил он. — Окружностью называется замкнутая кривая линия, все точки которой равноудалены от общей точки, называемой центром.

Он прищурился, поиграл мелом и неожиданно, одним движением, нарисовал на доске круг.

Класс охнул.

На доске торжественно белела замкнутая линия. Все точки её отстояли от центра на равном расстоянии.

Циркуль не требовался.

Учитель отошёл от доски и положил мел в коробку.

Белые мерцающие пылинки висели в воздухе. Слышно было, как на первом этаже в физзале шлёпает о пол баскетбольный мяч.

Пим, весело улыбаясь, смотрел на доску...

— Так кто же из вас Меньшиков? — ледяным голосом повторил Виктор Петрович.

Сосед — Толик Сердюк — больно ткнул Пима карандашом в бок.

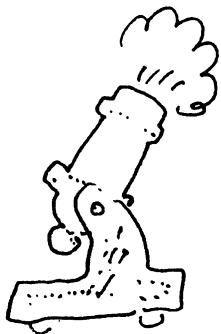
Пим вскочил.

— Итак, Меньшиков, подойдите к доске и разделите окружность на шесть равных частей.

Озадаченный Пим вышел на середину класса.

О чём он думал?.. Ах да, — цирк! Сегодня в пять возле цирка будет ждать Сергей.

ПРОСТРАНСТВО БЕЗ ВОЗДУХА

В конце Приморского бульвара стоял громадный полотняный шатёр. Куча динамиков наверху. Из динамиков неслась хриплая музыка:

«Трам-там-там, трам-там-там...»

К полотну были пришиты полинялые зелёные буквы:

Ц И Р К

Ниже наискосок висел транспарант.

„ПОЛЁТ В КОСМОС“

В углу транспаранта летел, раскинув крыльями руки, розовый человек.

У окошка кассы стояла кучка парней в светлых плащах: Хлыст, Фимка, двое незнакомых и Сергей.

Пим осторожно подошёл.

— Позже не мог? — недовольно сказал Сергей. — Ну, я, братва, пошёл.

— Давай, давай, — сказал Хлыст и бесцветными глазами посмотрел на Пима.

Пим моргнул.

Сергей сунул в окошко кассы две монетки, получил билеты. Вошли в цирк.

В цирке было душно. Призрачно горели голубые и оранжевые фонари.

На ярко освещённой арене стояла пушка. Короткая, без колёс. На лафете — две серебристые молнии.

Напротив пушки в проходе был установлен на растяжках резиновый бак, доверху наполненный водой.

Динамики, гремевшие над головой, замолчали.

Глуховатый мужской голос скороговоркой произнёс:

— Уважаемые товарищи. Сейчас перед вами в аттракционе «Полёт в космос» выступят артисты Всероссийского управления цирков Игорь и Ирина Тузаевы. Полёт выполняет Игорь Тузаев. У пульта — Ирина Тузаева. Прослушайте научный комментарий к номеру: «Космосом называется пространство без воздуха, окружающее Землю...»

Динамики ударили марш, и на арену выбежали маленький щуплый мужчина и высокая крепкая женщина. Оба в костюмах с блёстками.

Женщина подняла руку.

Публика жидко захлопала.

Мужчина стал к пушке и крутанул штурвал. Раздалось гудение. Ствол пушки медленно пополз вверх.

— Для балды крутит, — шепнул Сергей. — Видишь — ногой кнопку жмёт?

Мужчина приставил к пушечному стволу лесенку. Вскрабкался по ней. Свесил ноги в жерло и — скрылся.

Динамики загремели барабанную дробь.

«Трр-ррр-ррр-р-р-р!!!»

Теперь штурвал вертела женщина.

— Пять! — громко воскликнула она.

— Четыре!

— Три!
— Два!
— Один!
— Ноль!

Раздался громкий пороховой треск. Голубой дымок выскочил из пушки. Следом вылетел свёрнутый в комочек артист. Он взлетел к самому потолку, дважды перевернулся, крикнул: «Гоп!» — и с плеском шлёпнулся в воду.

Точно в бак!

Все захлопали.

Артист выбрался из бака. Женщина взяла его за руку, вывела на середину арены.

С артиста на ковёр ручьём текла вода. Он ёжился. Женщина улыбалась и кланялась.

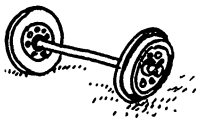
Вместе с толпой ребята вышли из цирка. На площади остановились.

Пим вздохнул.

— Неинтересно, — сказал он. — Я думал, у них ракета будет, скафандры...

— Зачем? — удивился Сергей. — По-моему, хорошо. Видал, как он сложился? А как в воду вошёл? Тренировочка — будь здоров!

БИЦЕПС — ВО!

Сергей распахнул калитку.

Пим вошёл.

Маленький дворик. Калитка, крашенная зелёной краской. Три глухие стены. По выбеленным извёсткой камням тянулись вверх верёвки. По верёвкам бежала повилика.

У одной из стен стоял вагонеточный скат — два колеса на толстой поржавелой оси.

Сергей подошёл к скату, нагнулся, ухватил его и рывком выбросил над головой.

— Уп!

Подержав, бросил. Скат глухо ткнулся в землю.

— Попробуй!

Пим вцепился в скат, оторвал его от земли и уронил.

— Тяжёлый! — пробормотал он.

Сергей согнул руку в локте. Под застиранной добела рубашкой бугром вздулся бицепс.

— Во! — сказал он.

Пим потрогал бугор.

— Серёжа, мы скоро с вашими слободскими играть будем, — сказал он. — Ты бы посудил, а то проиграют — побьют.

— Не побьют, — добродушно сказал Сергей.

Он начал снимать с бельевой верёвки гимнастический костюм.

— Серёжа, — снова спросил Пим, — а кто такой Хлыст? Сергей усмехнулся.

— Он пятак пальцами гнёт. Понял?

Пим кивнул.

— Ты бы приходил ко мне, — сказал он. — У нас дома машинка. Научу печатать. Ты сейчас куда?

— На Корабельную, в физзал. Секция там сегодня — наши штангисты, с завода.

— Можно, и я?

— Пойдём. На Парковую, а там — на троллейбус.

В ДРУГОЙ РАЗ

Слободские улицы все шли вдоль моря. Одна только Парковая выходила к шоссе.

У обочины шоссе стояла Толикина сестра — Лена Сердюк из девятого «а». Через плечо у неё висел фотоаппарат. Увидев Сергея, она помахала ему рукой.

— Куда идёшь? — спросил Сергей.

Волосы над Лениной головой светились оранжевым лаком.

— В Корсонес. А ты?

— Да я... — неуверенно проговорил Сергей.

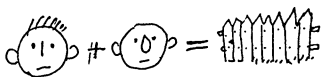
— Идём со мной?

Сергей посмотрел на Пима.

— Знаешь что, Пим, в другой раз, — сказал он. — Видишь, как получается! — и протянул Пиму руку.

— Вижу! — ответил Пим и, не оглядываясь, пошёл прочь.

ДОНАЛЬД ПЛЮС ДЖЕРАЛЬД РАВНЯЕТСЯ ЗАБОР

На следующем уроке математик не ушёл на перемене из класса, а, став у доски, написал:

$$\begin{array}{r} \text{D O N A L D} \\ + \text{G E R A L D} \\ \hline \text{R O B E R T} \end{array}$$

— Буквами зашифрованы цифры от нуля до девяти. Дэ — это пять. Остальные угадайте дома. Для решения этой задачи нужно только дисциплинированное мышление. Не торопитесь.

— Тэ — это ноль! — крикнул Толик.

— Конечно. Ноль пишем, единицу переносим. Шестиклассник с достаточным самолюбием может решить эту задачу за сутки.

Пим подошёл к доске.

... Если Дэ — это пять, то Эр — число больше пяти. Эр — это семь или девять...

Он обернулся. Прямо на него смотрела Зойка. Мимо доски. Мимо задачи. Именно на него.

Степан сидел сгорбившись над листом бумаги. Он писал толстым скрипучим пером. На круглых цифрах перо рвало бумагу и повизгивало.

— Сердюк, что вы хотите спросить?

Толик подмигнул Пиму.

— Виктор Петрович, — сказал он, — а правда, что вы считаете математику самой главной наукой?

Виктор Петрович спокойно посмотрел на него.

— Безусловно, — он выпятил челюсть. — Самая главная наука — математика.

Толик торжествующе посмотрел на ребят.

— Греческий учёный Пифагор говорил, что все науки лишь постольку являются науками, поскольку они пользуются математикой. Числом можно описать всё.

— Самая главная наука — це марксизм, — сказал Степан.

Виктор Петрович кивнул.

Пим встал.

— А вот футбол, — сказал он, — можно описать только словами.

— Разве? — удивился Виктор Петрович. — А счёт? Ноль-ноль или семь-семь — разве это не соотношение сил? Скорость игроков, число ударов — всё можно обозначить числами. Мало того: футбол — игра. У неё есть свои правила. Существует раздел математики, который изучает игры, — теория игр...

Люда Усанова фыркнула.

— Изучив правила игры, можно построить играющую машину. Машину-математика. Есть машины, которые умеют играть в шахматы. Они считают на три хода вперёд. Выигрывает у такой машины только игрок, который считает дальше, чем на три хода. Это не какая-нибудь особенная машина в виде шахматиста. Обычная вычислительная машина из радиоламп и проводов...

— Виктор Петрович, я решил, — сказал Степан.

Он вынес к учительскому столу свой листок.

— М-да, решил, — удивился Виктор Петрович, — скажите, пожалуйста, за двадцать минут! За одну перемену!

Он вертел в руках забрызганный чернилами лист бумаги.

— Эль — восемь, Е — девять... Всё верно. Радуюсь за вас!.. Так о чём же я?

Класс постепенно наполнялся учениками.

— Ах да, о машинах! Хотите, мы построим небольшую вычислительную машину?

— Какую? — крикнул Пим.

— Она будет похожа на забор, — спокойно ответил Виктор Петрович. — Марокко, вы никогда не занимались в математическом кружке? Зайдёте после уроков ко мне. Итак, вторым признаком равенства треугольников является...

МАРОККО — СТРАНА В АФРИКЕ

Степан Марокко пришёл в класс в начале года. Вместе с Зойкой. Только Зойка издалека, с Севера, а он — из соседних мест, с Херсонщины. С литературой ему не везло. В школе, где учился раньше Степан, всё время болела учительница. Её замещал учитель физкультуры.

Отец Степана был трактористом.

Весной он брал Стёпку с собой в ночную. Светящимися жуками ползали в темноте трактора. Лязгали стальные гусеницы. Тонко пищала настроенная на районную волну походная радиостанция.

В Приморске отец поступил на автобазу. В двенадцать лет Степан уже умел поднять домкратом «москвич», заклеить прокол. Он тёр непослушным тяжёлым напильником глянцевую резину. Короткими ножницами вырезал заплату. Трогал пальцем «на отлип» намазанное резиновым, остро пахнущим клеем место прокола. Клал заплату, придавливал её кирпичом.

Это всё он знал. Не знал он литературы и ещё одного: откуда у него такая фамилия?

Марокко — страна в Африке. Пим говорит, там живут марокканцы; по жёлтой каменистой пустыне ходят верблюды, и холодным рассветным утром рычат голодные львы.

На кой пёс ему такая фамилия?

Степан оказался в классе старше и сильнее всех. Его выбрали заместителем председателя совета отряда. Председателем уже третий год был Пим.

ЗА БУКВАМИ СТОЯТ ЗВУКИ

Перемена тянулась подозрительно долго. Опять врут часы-автомат и спит Ксанф!

Виктор Петрович и Лидия Гавриловна сидели в учительской за столом. На коленях у Лидии Гавриловны лежала сумочка. Чёрная, узкая; вместо замка — бронзовая змейка со свёрнутой на сторону головой.

Виктор Петрович покосился на змейку и вежливо спросил:

— Как у вас учится Меньшиков?

— Пим?

— Какой Пим?

— Простите... Ребята зовут его Пим. Пётр Иванович Меньшиков.

— Он учится хорошо?

— Пятёрки и тройки. Четвёрок у него почти нет... Вы знаете, однажды он спросил у меня: «В азбуке тридцать две буквы. Что, если выбросить половину?» Я растерялась и ответила: «Нельзя: за буквами стоят звуки». Правда, необидительно? Ведь некоторые звуки — это несколько букв. Я — йа, ю — йу... По-моему, он учится хорошо, а вот Зинаида Фёдоровна по истории ему ставит тройки.

— На прошлом уроке я отобрал у него водолазную трубку.

— Что ж, у него отец — моряк. В прошлом году я встретила их в Голубой бухте, километров десять отсюда. Меньшиков плавал с маской. Проплыл в двух шагах от меня и не заметил. А отец сидел на берегу, смотрел на него. Смешно смотрел — подперев щёку рукой, по-бабьи. И вздыхал.

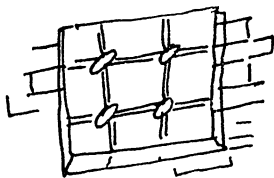
Лидия Гавриловна замолчала.

— Я очень люблю их класс, — добавила она, — особенно мальчишек. Говорят, у мальчиков есть два возраста: когда они не моют уши и когда моют. Так у этих — переходный период. Скоро они будут делать причёски, носить узкие брюки и писать стихи. У некоторых окажутся золотые руки, золотые головы, золотые сердца... Очень забавные ребята. Девочки взрослее...

— Да. Мне кажется, самая способная из них — Никольская?

— Конечно. Её дядя — директор музея в Корсонесе. Приехала в прошлом году из Ленинграда. Очень развитая девочка. Из очень хорошей семьи.

ЭТО ПОЧТИ СУД!

Очень развитая девочка из очень хорошей семьи стояла в воротах. На руках её были тёткины капроновые перчатки. Ворота — два кирпича.

— Бью! — крикнул Пим и ударил с носка.

Мяч летел, шипя как снаряд.

Зойка закрыла глаза и подставила мячу ладони. Мяч ударился о них, отскочил и покатился в ворота.

— Мазила! — сказал Толик. — Гол!

Зойка закусил губу и, прихрамывая, пошла прочь.

— Сам мазила!

На лестнице она сняла перчатки, сунула их под мышку; дойдя до площадки третьего этажа, нажала кнопку звонка.

— Ну вот, — сказал Зойкин дядя Николай Иванович, открывая дверь, — извольте радоваться. Может, хоть ЭТО оставит тебя?

Зойка замерла на пороге.

В руках Николай Иванович держал узкий белый конверт.

— Штраф из милиции. Маша, иди говори с ней сама. Девочка — а на неё приходят повестки, как на последнего

хулигана. Ведь повестка — это почти суд! Это привлечение к уголовной ответственности!

Зойка стояла сжав губы и смотрела в пол. На дяде были домашние туфли. Значит, опять не был на работе: болело сердце.

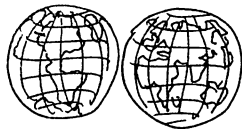
— Только подумать: моя племянница футбольным мячом бьёт окна! Что ждёт нас потом? Ты будешь играть в регби? Заниматься боксом?.. Первый раз встречаю такого подростка.

Зойка шмыгнула носом. Сыграть в регби она мечтала давно.

КАРТА

И у Пима дома вышел скандал.

Мать плакала. Повестка валялась перед ней на столе. Пим сидел на диване и сухими глазами смотрел перед собой.

На столе рядом с повесткой лежала газета.

За спиной Пима висела карта. На карте — два полушария. Туго стиснутые сеткой параллелей и меридианов, рвались на волю материки. Синими пятнами штилили моря.

По синему Атлантическому океану плыл отец. Маленькое экспедиционное судно искало тунцов. Оно искало рыбы стаи и поднимало тралом со дна бугристые, похожие на футбольные мячи кораллы.

На карте полушарий около озера Байконур была нарисована красным карандашом ракета. Когда-то давно Пим мечтал стать космонавтом...

Взгляд Пима упал на газету. Команда «Авангард» перед матчем с «Водником» цепочкой выбегает на поле. Первым бежит капитан команды — Гиви.

А ЧТО, ЕСЛИ?.. НУ КОНЕЧНО, СВОЯ ФУТБОЛЬНАЯ КОМАНДА!

— Мама, мне очень нужна машинка...

Пим запнулся.

Мать встала, молча подошла к столу и сняла с машинки футляр.

В команде должно быть одиннадцать человек. Команда должна называться... Как же она должна называться?

Пим сел за машинку и напечатал:

СПИСОК КОМАНДЫ

1. Центр нападения — Меньшиков Пётр.

2. Правый крайний — Степан Марокко.

3. Левый полусредний — Толик Сердюк.

4. Вратарь — Зойка Никольская.

Кончив печатать, он задумался. Четыре человека. Не густо. Название команды он так и не придумал.

БУДЕМ ИГРАТЬ

Весь следующий день Пим искал игроков. Он собрал их на перемене.

— А шо? — сказал Степан. — Я могу. Мне батька будь здоров чоботы купил!

— Правильно, — Пим оглядел собравшихся. — А вас надо уговаривать?

— Я, понимаешь, посмотрю, — сказал Рафик Мергерян.

— Форма какая? — спросил Теляков.

— Красная с белым, — уверенно ответил Пим. — Можно без формы.

— Если красная, мы тоже будем, — сказал Коля Руденко и посмотрел на брата.

— Если мама разрешит, — пояснил Костя. — И потом, если шахматы...

— Не уйдут твои шахматы, — сказал Пим. — Сегодня — на тренировку, к шести часам. Мяч мой.

СУХОЙ ЛИСТ

На тренировку пришли все.

Играли долго.

— Чтобы забить с углового мяч, надо бить его ударом «сухой лист». Бьёшь сбоку, мяч крутится и заворачивает в ворота. Вот так, — объяснил Пим.

Мяч полетел прямо. Теляков хихикнул.

— Я не вижу «сухой лист», — сказал Рафик.

Пим откашлялся.

— А мы читали, — Коля Руденко посмотрел на брата, — что во всём мире только два человека умеют подавать «сухой лист».

— Третий человек в мире — это Пим, — сказал Теляков.

— Телевизор, тебя давно били? — спросил Толик.

— Не ты, — обиделся тот. — Оставайтесь, если хотите, я пошёл!

— Мы тоже, — сказал Костя, — нас мама ждёт.

Пим молча пошёл к дому.

По пути он сбил ногой куст шалфея. Куст брызнул на тропинку лиловым цветом, надломился, упал в пыль.

Навстречу по тропинке шёл Сергей. Поравнявшись с Пимом, он весело кивнул.

— Здравóво, Пим! Как дела?

— Здравствуй, — сухо ответил Пим и прошёл мимо.

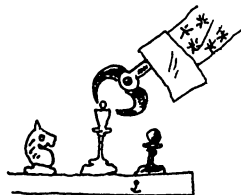
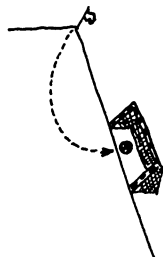
ТАК БУДЕТ С КАЖДЫМ, КТО ГОТОВ ПРОМЕНЯТЬ
ДРУГА НА ПУЧОК РЫЖИХ ВОЛОС...

„ЖЕЛЕЗНЫЙ МОГОЛ“

Это случилось почти двести лет назад.

Маленький австрийский городок шумел, как улей. Городской театр был переполнен, занавес раздёрнут, сцена — пуста.

Ровно в семь на сцену вышел человек во фраке, с афишей в руках.

Развернув афишу, он звучным голосом прочёл:

— «Три вечера. Укрощённый гений шахматной игры. Автомат — непобедимый механический шахматист «Железный могол» — демонстрирует своё искусство». Господин, желающий сразиться с машиной, изволит занять место на сцене.

После вступительных слов человека во фраке из-за кулис выкатили странное сооружение — механическую куклу в кресле.

Кресло было прикреплено к шахматному столу, похожему на ящик. Кукла — одета в халат и чалму.

Хозяин автомата — человек во фраке — пригласил желающих убедиться в том, что внутри куклы нет ничего, кроме рычагов и пружин.

Быть машине соперником вызвался местный аптекарь. Потряхивая локонами парика, он взобрался на сцену и занял место за шахматным столом.

Расставили фигуры. Хозяин машины завёл автомат ключом. Игра началась.

Аптекарь двинул вперёд королевскую пешку. Автомат был недвижим. Затем внутри него что-то зажужжало, защёлкало. Автомат поднял руку, взял плохо гнущимися пальцами свою пешку и двинул её навстречу противнику.

В зале раздался ропот изумления.

Аптекарь заволновался. Он без конца поправлял очки, вытирал лицо платком. Конь аптекаря, который вышел вслед за пешкой, попал под атаку. Автомат снял его и с глухим стуком бросил в коробку.

Дальше пошло ещё хуже. Рокировка не спасла короля. Ферзь чёрных ворвался в середину белых фигур. Потеряв ладью, аптекарь сдался.

Вытирая рукой мокрый лоб, он встал из-за доски и, пошатываясь, спустился в зал.

Зрители ошеломлённо молчали.

Хозяин автомата смахнул фигуры с доски, раскланялся и укатил автомат за кулисы.

В зале раздались осторожные хлопки.

Расходясь по домам, бюргеры обсуждали виденное.

— Подумать только — машина! — ахали одни.

— Животное электричество! — уверяли другие.

...Так началось триумфальное шествие по Европе механического шахматиста.

Автомат почти не знал поражений. Ничью он делал один раз на двадцать партий.

Если у него кончался завод, автомат замирал с протянутой рукой. Головой он не двигал.

Слава его неслась над городами Европы. Она обогнала пассажирский пакетбот и раньше его высадилась на землю Америки.

Однако здесь «Железного могола» ждал конец.

В одном из городов обиженный проигрышем любитель спрятался в пубlike и закричал: «Пожар!»

Публика бросилась к выходу.

Сбежал и очередной игрок, сидевший на сцене.

Хозяин метался перед кулисами.

Но самым неожиданным было поведение автомата. Он задёргал руками, затрясся, изнутри его слышались проклятия и крики о помощи. Наконец дверцы столика распахнулись, и на сцену выскочил маленький безобразный человечек.

Тайна раскрылась.

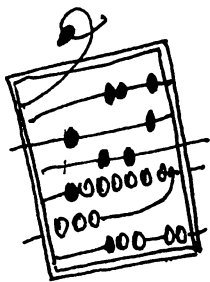
В автомате, под столом, сидел горбун — отличный шахматист. Человеку, который волновался, сражаясь с машиной, выиграть у него было очень трудно.

Первая машина, играющая в шахматы, оказалась мошенничеством...

— А мы с вами жуликами не будем, — заключил Виктор Петрович.

Шёл его урок.

— Машина, которую мы начнём завтра строить, — маленькая вычислительная машина. Только из-за того, что она маленькая, она не сможет играть в шахматы. Если сравнить её с конторскими счётами, у неё слишком мало косточек, чтобы решать сложные задачи. Но простые задачи она решать будет.

— Для того чтобы понять, как устроена машина, я ещё раз напомним вам счёты. Самые обыкновенные счёты, — сказал Виктор Петрович. — Их косточки могут быть переброшены влево или вправо. Перебрасывая косточки влево, мы записываем числа. Можно представить себе счёты, у которых вместо косточек — лампы. Лампы могут быть зажжены или погашены. Зажигая лампы, мы будем записывать числа. Зажигая новые лампы или гася, мы будем прибавлять или вычитать новые числа.

Зажжённые и погашенные лампы... Их можно назвать единицами и нулями. Или двойками и нулями. Наша машина, я сказал, будет похожа на забор. Зажжённая лампа на первой дощечке будет обозначать двойку в нулевой степени, на второй дощечке — двойку в первой степени, на третьей — двойку во второй, и так далее. Чтобы записать число пять, я зажгу одну лампу на третьей дощечке и одну — на первой. Четыре и один — это пять.

Наша машина сама будет складывать или вычитать числа. Командовать будем мы. Мы будем нажимать кнопки на пульте. Будем приказывать: «Сложи, вычти...»

— А дважды два она умножит?

— Безусловно. Завтра после уроков можно начинать работу. Кто хочет помогать мне?

Пим откашлялся и встал.

— Виктор Петрович, — сказал он. — Мы обсудили этот вопрос на совете отряда. Желают все. Но мы решили, что придут отличники и самые дисциплинированные.

— Ну, зачем же самые дисциплинированные? — удивился Виктор Петрович. — Пусть придут те, у кого есть паяльники. Лампы я куплю сам. Нужно шестьдесят четыре лампы. Наша машина будет считать до тридцати двух. Итак, завтра вечером, в шесть часов, в комнате, где раньше была фотолаборатория...

В фотолабораторию пришли десять человек.

— Кто принёс паяльник, поднимите руку, — сказал Виктор Петрович.

Поднялись две руки.

— Марокко с паяльником — за первый стол, Сердюк — за второй. Паяем платы. — Виктор Петрович начертил на доске схему. — Таких плат, я говорил, должно быть тридцать две.

К Толику подошли Зойка, Теляков и Пим.

— Ты пайай, — сказал Толик Пиму. — Я подожду.

— Включаю! — сказала Зойка и воткнула вилку паяльника в розетку. Паяльник лежал на столе. Над кончиком его закурился голубой дымок. Пим ткнул паяльником в кусок канифоли. На куске выступила янтарная капля. Теперь припой. Зойка щипцами держала два провода. Белый блестящий шарик упал на провода, дрогнул и затуманился. Провода слиплись.

Телякову надоело стоять около Пима. Он ушёл к Степану.

Степан паял — как клеил: припай — провод, припай — провод...

— Ось як, бачишь? — сказал он.

Теляков кивнул.

Второй провод у Пима паяться не захотел.

— Да у тебя холодный паяльник! — сказал Виктор Петрович.

Пим поправил вилку, положил паяльник на табурет.

Вернулся Теляков.

— Теперь паять буду я, — сказал он.

— Подождёшь! — буркнул Пим. — Напили лучше фанерок.

— Сам пили! — обиделся Теляков. — Не хочешь, не надо, буду сидеть.

Он опустился на табурет.

— Паяльник! — закричала Зойка,

— Ай! — взвизгнул Теляков.

— Ребята, — закричала Зойка, — человек горит!

Штаны Телякова потушили.

— Обжёгся? — участливо спросил Толик.

— Не твоё дело! — Теляков сопел и переминался с ноги на ногу.

— Иди домой! — сказал Виктор Петрович. — А все остальные — стоп! Сначала оборудуем рабочие места. Делаем подставки для паяльников.

число „пи“

От канифольного дыма щипало глаза.

Передав Зойке паяльник, Пим вышел в коридор. Он сел на подоконник и стал смотреть, как в чёрном прямоугольнике окна бродят красные и зелёные самолётные огоньки.

Следом в коридор вышел Рафик. В руках его была книга.

— Ты чего зубришь? — спросил Пим.

— Понимаешь, задачка не получилась. Я думал Виктора спросить. Посмотри, пожалуйста.

Рафик открыл книгу.

«Окружность разделена на четыре равные части. Чему равна длина каждой дуги, если радиус окружности — 20 сантиметров...»

— Здесь надо умножить на «пи», — сказал Пим. — Оно равно...

Он начал листать задачник.

Куда девалось это проклятое «пи»?

Хлопнула дверь.

В полутьме по коридору шёл Ксанф.

— И чего собрались? — начал он, обращаясь к мальчикам. — Сколько раз вам говорили...

Пим закрыл задачник.

— Ксанф, — совершенно серьёзно сказал он, — чему равно число «пи»?

Школьный сторож вздрогнул.

— Три и четырнадцать сотых, — пробормотал он, дёрнул головой, постоял, повернулся и пошёл прочь.

Пим снова открыл книгу. «Справочные величины»... «пи» — 3,14, при точных вычислениях 3,141592...» Он свистнул. Ого! Вот так Ксанф!

— Пим, а почему он знает это? — шёпотом спросил Рафик.

В дверях лаборатории показался Виктор Петрович.

— Ну, войны, пора. Убирайте лабораторию — и по домам.

Пим соскочил с окна.

ЛЮБОПЫТНО: КСАНФ ЗНАЕТ ЧИСЛО «ПИ»!

ИНСПЕКТОР

Как только в класс вместе с Лидией Гавриловой вошла полная женщина в пенсне и с портфелем, все поняли — инспектор.

Инспектор села рядом со Степаном.

— Начнём урок, — сказала Лидия Гавриловна. Она заметно волновалась.

Первой она вызвала Зойку.

Зойка рассказала о болдинской осени, о сказках Пушкина, о Татьяне.

— Татьяна всю жизнь любила Онегина, а у того настоящая любовь прошла мимо, и он уехал путешествовать. Им овладело беспокойство, охота к перемене мест...

Лидия Гавриловна весело поморщилась: ни болдинская осень, ни Онегин в программу не входили.

Инспектор слушала, полузакрыв глаза, и довольно кивала. Вдруг она заметила стоящего у задней парты Телякова.

— А этот мальчик почему стоит? Он, наверное, хочет дополнить?

— Я не хочу дополнить, — сказал Теляков.

— Он вчера сел на паяльник, — объяснил Пим.

Инспектор строго посмотрела на него. Пим проворно закрыл тетрадь. В тетради по литературе был нарисован кит.

...Когда кит ныряет за добычей, он может почти час гнаться за ней не всплывая...

Лидия Гавриловна вызвала ещё Толика, а потом сама прочла наизусть стихотворение Пушкина «Кавказ».

«И бьётся о берег в вражде бесполезной
И лижет утёсы голодной волной...»

Читала Лидия Гавриловна хорошо.

В классе было тихо. Когда урок кончился, инспектор поднялась и подошла к Лидии Гавриловне.

— Поздравляю вас, — сказала она. — Хотя у меня есть пожелания методического плана, но остальное хорошо. Видно, что вы любите поэта и сумели свою любовь передать детям. Девочка, которая отвечала, знает материал, как восьмиклассница. Очень вдумчивый мальчик, хотя и экспансивный, сидел на второй парте. По его лицу было видно, что у него есть вопросы. Кстати, где он?

Позвали Пима.

— У тебя были вопросы во время урока? — ласково спросила инспектор. — О чём ты думал?

Пим покраснел.

— Не стесняйся, можешь задать этот вопрос мне. О чём ты думал, когда девочка так поэтично рассказывала про осень?

— Я думал, почему кит может сорок минут не дышать под водой, — сказал Пим.

ЭТО СПЛОШНОЙ УЖАС!

У Лидии Гавриловны вздрагивали плечи.

Перед ней стоял Виктор Петрович.

— Да успокойтесь же, успокойтесь, — говорил он.

— Вам легко говорить, — прошептала Лидия Гавриловна. — У вас педагогический талант. А я... пять лет училась, преподаю третий год — и всё не так.

— Что вам сказала завуч?

— Зинаида Фёдоровна... сказала: «Вы распустили класс. На уроке у вас стоят. Бросают реплики. Один ученик нагрубил инспектору». А он не грубил. Это Меньшиков. Он сказал правду. Он действительно думал о китах.

Виктор Петрович улыбнулся.

— Распустили класс... Какая ерунда! Вы сами прекрасно знаете, что это не так. Вот вам носовой платок, вытрите слёзы. Это ещё не худшее, что будет с вами в жизни. Я оптимист.

Лидия Гавриловна кивнула.

Прозвенел звонок. Виктор Петрович кашлянул, постоял и направился к дверям девятого «б».

Лидия Гавриловна подняла голову. На сером, истёртом каблуками полу лежали оранжевые квадраты света. За высоким, с откинутой фрамугой окном светилось молодую листвою шелковичное дерево. На ветке, против окна, сидели два скворца.

Лидия Гавриловна прижалась щекой к тёплому стеклу.

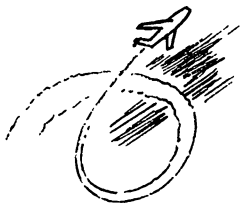
Постепенно боль и обида прошли.

И зачем только Зинаиде Фёдоровне было кричать: «Это сплошной ужас!»?

Лидия Гавриловна постучала пальцем по стеклу. Скворцы повернули к ней головы.

— Скворушки, скворушки, — сказала она, — я вас знаю, у вас жёлтые носы!

Птицы согласно забормотали.

Наступил май. С машиной надо было торопиться. Работали каждый день.

— Сегодня начнём монтировать, — сказал Виктор Петрович.

Вечером Пим и Зойка встретились по дороге в школу.

Шли по шоссе. Дымилась степь. На горизонте туманной полосой голубело море.

Гроыхая и урча, их обогнал самосвал. Он двигался как слон. Чёрные ядовитые клубы висели за ним в воздухе.

— Ух, и отрава! — сказал Пим.

Зойка посмотрела наверх. Вверху было небо. Жёлтое с зелёной полосой. Еле приметная облачная полоса...

Когда Зойка была маленькая, он с матерью жили в Ленинграде.

Как-то она вышла на балкон и увидела небо. Жёлтое небо с зелёным заревом. Зарево разгоралось, обняло полнеба, а затем, задрожав, начало гаснуть.

— Это северное сияние, — сказала мать.

...Зойка посмотрела снова вверх. Зелёная полоса змеилась и медленно уплывала на запад.

— Чего ты? — спросил Пим.

— Видишь, — сказала Зойка, — полоса? Однажды в Ленинграде я видела северное сияние... Может, и это?..

— Тоже ещё сказала, — засмеялся Пим. — Южное сияние, что ли? Это истребитель пролетел. Выхлоп у него знаешь какой здоровый! А зелёное — потому что закат.

Заурчал второй самосвал.

Пим поморщился.

— Носит их, — сказал он. — Такая отрава. Дышать нечем.

— И всё-таки это сияние, — тихо сказала Зойка.

Отца Зойка не помнила. Отец умер, когда ей ещё не было года. Зойка росла у матери одна. Мать работала врачом. Она была легка на подъём. Часто меняла города. В каждом городе покупала кровать, книжный шкаф и письменный стол. Уезжая — оставляла соседям.

Последний год они жили на Ладогe. На острове.

— Нет, — сказала однажды мать, — тебе надо уезжать. Это не учёба — ходить по льду в школу. Ползими училась, пол — гуляла. Я напишу брату в Крым.

Был май. Холодный, солнечный май. Зойка вышла из дома и лесом пошла на северный берег к Монастырской бухте.

Бухта открылась вдруг.

Она начиналась у горбатого скалистого мыса, плавной дугой вдавалась в берег и заканчивалась у развалин монастыря.

В монастыре двести лет назад останавливался проездом Пётр Первый.

Серые скалы с частokoлом бронзовых сосен поднимались над озером. У развалин светилась песчаная коса. Добела перемытый волной и дождём песок клином уходил в синее озеро-море.

Никто ещё не был здесь с зимы. Ни один след не пятнал сияющую выпуклую поверхность косы.

Подойдя к развалинам, Зойка остановилась. Был штиль.

Цепляясь за кирпичные обломки, Зойка по монастырской стене спустилась к озеру.

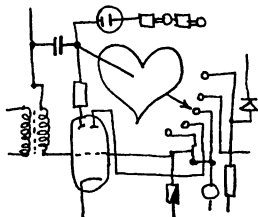
Нехоженная дорога начиналась у её ног и тонула в неподвижной воде.

Зойка поставила ногу на песок. С тихим хрустом надломился верхний, спрессованный ветром слой.

Она сделала шаг. Второй. Песок тонко запел. Она сделала ещё десяток шагов и остановилась. Было тихо. Совершенно тихо. Ей сделалось страшно. Зойка бросилась назад. На вершине скалы она обернулась. Внизу на литой нехожей поверхности косы чернела оборванная цепочка следов.

— Страшно... — сказала Зойка и засмеялась.

ЗЕЛЁНАЯ ТЕТРАДЬ

Монтировал машину сам Виктор Петрович. Ему помогал Степан. Остальные смотрели. Когда установили на место десять плат, Виктор Петрович объявил перерыв.

— А мы не очень устали, — сказал Толик.

Виктор Петрович улыбнулся.

Вышли в коридор. У машины — она теперь и верно стала похожей на забор — остались Зойка и Пим.

Пим сидел на столе и смотрел на свет радиолампу.

— Пим, — неожиданно спросила Зойка. — Ты помнишь, как я первый раз пришла в класс?

Пим пожал плечами.

— Я вошла во время перемены, а в классе был ты...

— Я дежурил.

— ...Я села, долго молчала, а потом спросила: «У вас мальчики с девочками дружат?» Помнишь, что ты ответил?

— Не помню.

— Ты сказал: «А что с ними дружить?» А вы с Толиком по-настоящему дружите?

Пим нахмурился.

— Знаешь, — сказал он, — лучше зачисти провод. Вон тот. Виктор сейчас его паять будет.

— Мне пора домой, — сказала Зойка. — Дяде порошки нужны, у меня рецепт.

Она замолчала. Пим взял провод и начал возиться с ним.
— Знаешь что, — сказала Зойка, — хочешь, я покажу тебе одну тетрадь?

— Какую?

— Так. Чужая. Она у меня в классе.

Она убежала и вернулась с тонкой тетрадью в зелёной обложке.

— Вот, — сказала она. — Ты мне её обязательно отдай.

Пим нерешительно взял тетрадь в руки.

— Я уйду, — сказала Зойка, — ты мне её обязательно отдай, слышишь?

Хлопнула дверь.

Пим раскрыл тетрадь. На первой странице крупными буквами было написано:

«Снежный человек — заманчивая, но недоказанная гипотеза».

На второй: «Может ли девочка дружить с мальчиком? Отвечает 6-й «а». И шли ответы, написанные разными почерками:

«1. Если вы встанете рядом с мальчиком и возьмётесь за руки, — не думайте, он вас не укусит.

2. У нас в классе дружат.

3. Если б я куда-нибудь очень спешила, а кто-нибудь вдруг остановил меня и спросил, можно ли дружить с мальчиком, я бы не задумываясь ответила: «Да, можно».

4. Среди девочек редко встретишь хорошего друга.

5. Девочки не хотят дружить с мальчиками, боятся насмешек.

6. По-моему, все, кто учится в одном классе, должны быть друзьями. Ведь у них одна цель.

7. А почему бы не дружить с мальчиком? Ведь у нас в стране все равны. Важно, чтобы была хорошая дружба, а с кем дружить — с мальчиком или девочкой — неважно».

Под некоторыми ответами стояли инициалы. «Л. У.» — Людка Усанова. А Зойка?

— Пим!

В дверь просунулась голова Толика.

— Ты что делаешь? Что у тебя? Покажи!

Давать или не давать?

Пим остановился в нерешительности. Толик подошёл и взял тетрадь.

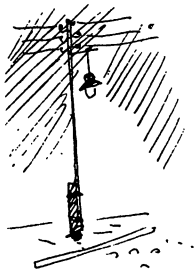
— Ух, ты! — сказал он. — Вот это да!

Он прочёл про снежного человека и захохотал.

— Я тебе её завтра отдам! — сказал он и сунул тетрадку в портфель. — Пошли домой?

— Я ещё поработаю, — нерешительно ответил Пим. — Мне можно: мать на собрании.

ДРАКА

Домой Пим возвращался в темноте. Чтобы скорее выйти на шоссе, он из улицы свернул в переулок. В переулке горел единственный фонарь. Слышались голоса. Под фонарём, в центре жёлтого круга, стоял, покачиваясь, человек. Он был без кепки, в расстёгнутом пиджаке. В руке держал камень.

— Брось, говорю!

От фонарного столба отделилась фигура и тоже вошла в круг.

Хлыст!

Пригнувшись, как кошка, Хлыст начал кружить вокруг пьяного.

— Брось кирпич! — негромко повторил он.

Пьяный размахнулся. Хлыст наотмашь тяжёлым кулаком ударил его в лицо. Пьяный беззвучно повалился на землю.

Пим прижался к забору.

Хлыст нагнулся над пьяным и начал шарить в его карманах. Скрипнул песок. По переулку, насвистывая, шёл человек. Подойдя ближе, он остановился. Сергей! Пим бросился к нему.

Сергей посмотрел на лежащего человека, на Хлыста, схватил Пима за рукав и потянул прочь.

Не успели они сделать и десяти шагов, как их нагнал Хлыст.

Он тяжело дышал. Узнав Сергея, он спросил:

— Откуда?

— Из города.

— Этот с тобой?

— Да.

— Что видели?

— Ничего.

Хлыст приблизил своё лицо к Пиму и белыми глазами посмотрел на него из темноты. Глаза тускло поблёскивали. Правую руку Хлыст держал в кармане.

Пим зажмурился от страха.

Сергей дёрнул его за рукав и повёл улицей вниз к шоссе, где зелёным огнём горели ртутные лампы и шурша проносились автомашины.

Сияющий, полный света троллейбус с прозрачной голубой крышей выплыл из-за угла, проплыл серединой асфальта и исчез, уронив с проводов лиловую цепочку искр.

Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!

Ночью Пим не спал. Он метался по дивану. Над его головой раскачивался жёлтый фонарь, и чёрный человек без конца падал в пыльный песок немощёного переулка.

— Что с тобой? На тебе лица нет! — удивилась утром мать. — Ты нездоров?

— Нет, ничего.

В школу он собирался долго, шёл кружной дорогой; проходя мимо переулка, в котором встретил Сергея, вздрогнул. Будто кулаком ткнули в грудь...

В школу он пришёл минут за пять до звонка. Едва вошёл в класс, понял: что-то произошло.

Девочки стояли кучкой у стены. Мальчишки сгрудились у окна.

Они гоготали.

— Чего ржёте? — спросил Пим. — Дайте посмотреть.

Мальчишки расступились.

На окне сидел Толик. В руках у него была зелёная тетрадь.

Пим нахмурился и протянул к ней руку.

— Брось ты, давай дочитаем, — сказал Теляков. — Там такое... — Он не закончил. В дверях показалась Зойка.

Мальчики затихли.

Зойка подошла к Пиму. Глаза у неё были красные. Губы сжаты в полоску.

— Если ты хочешь знать, — начала она. Губы её задрожали. — Я... я... никогда не думала, что ты... Я ненавижу тебя. Понимаешь, не-на-ви-жу!

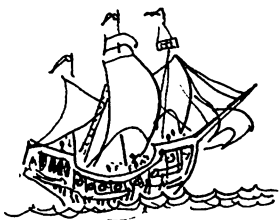
Зойка повернулась и бросилась вон из класса.

Люда Усанова подошла и выхватила из рук у Толика тетрадь. Пим попробовал усмехнуться.

Чёрт знает, что такое!

Зазвенел звонок. В коридоре послышались шаги Лидии Гавриловны.

СНОВА КСАНФ

Литература... История... Большая перемена.

Всю перемену Пим простоял в коридоре.

**СУМАСШЕДШАЯ ЭТА ЗОЙКА!
ВСЕ ДЕВЧОНКИ — СУМАСШЕДШИЕ.
ПОДУМАЕШЬ, ТЕТРАДЬ!**

Подошёл Рафик.

— Ты чего? — спросил его Пим.

Рафик тоже был злой.

— Зинаида тройку в четверти пообещала, — сказал он. — Вот чего.

— За что?

— За Колумба.

— Не знал?

Рафик кивнул.

— А что она спросила?

— Сколько у него было кораблей.

— А ты?

— Что я, с ним плавал?

Глаза у Рафика сделались чёрные-чёрные.

— А ещё что она спросила?

— Много.

Позади Пима шаркнул веник. Пим обернулся и увидел Ксанфа.

— Ксанф, — медленно спросил Пим, — ты не знаешь, сколько кораблей было у Колумба, когда он открыл Америку?

Сторож испуганно посмотрел на мальчика.

— «Санта Мария», «Нинья», «Пинта»... — забормотал он. — Три корабля. Отплыли из Палоса 3 августа 1492 года... курсом юго-запад... к Канарским островам...

Рафик с удивлением посмотрел на Пима.

— Нехорошо шутишь, Пим! — сказал он. — У меня дедушка в Ереване. Мы никогда не шутим с ним.

Пим стоял привалясь к стене и смотрел, как удаляется согнутая фигура сторожа.

«СТОРОЖ, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ЧИСЛО «ПИ» И НАЗВАНИЯ КОРАБЛЕЙ КОЛУМБА... ОБ ЭТОМ НАДО СКАЗАТЬ СЕРГЕЮ!

— Пим! — К ним подбежал Толик. — Приходил слободский Пеца из седьмого «а», спрашивал, может, сегодня сыграем? У них тоже семь человек.

— Сыграем, — задумчиво ответил Пим.

— После уроков, за домом?

— Хорошо.

На поле вышли: Степан, Пим, Толик, Теляков, два Руденко. Зойка — седьмая по списку, — конечно, не пришла.

— Ладно, в ворота стану я, — сказал Толик.

Слободских было семь, капитаном у них был

Пеца — длинный семиклассник в бутсах.

— Иди! — подтолкнул Пима Степан.

Капитаны встретились посреди поля.

— Разыграем? — спросил Пеца.

Пим кивнул.

Пеца вытащил из кармана перочинный ножик, показал его Пиму и спрятал кулаки за спину.

— В какой?

— В левой.

Ножик лежал в правой.

— Мы начинаем! — крикнул Пеца своим.

Команды разошлись по местам.

— Давай проиграем, а? — прошептал Теляков. — А то набьют!

Начали с центра.

Слободские сразу пошли вперёд.

Пеца играл на краю. В центре стоял мордатый парень в тельняшке.

— Пеца, пас! — кричал мордатый, и Пеца выкатывал ему мяч.

— Бац! — мяч срывался с ноги мордатого и, вихляя, летел в аут.

В воротах стоял Толик.

Мордатый подошёл ближе к воротам.

— Пеца, пас!

Мяч катился прямо ему в ноги.

Мордатый подцепил носком башмака мяч и со свистом пустил его в Толика. Толик пригнулся.

— Гол!

Понурив голову, Толик побрёл за мячом.

Начали с центра, и тотчас же Пеца, пройдя по краю, вышел к воротам.

Один на один с Толиком. Гол!

Над Корсонесом уныло звенели цикады. Было душно. Над степью кружил ястреб. Заметив в траве суслика, он сложил крылья и камнем упал вниз.

— Три-ноль, — сказал мордатый. — Так пойдёт или ещё воткнуть?

— Ещё, — мрачно сказал Пим.

Перед самым концом игры появился Сергей.

— Ну как? — спросил он.

Толик пожал плечами.

Слободские забили ещё гол, Сергей потрепал Толика по плечу.

— А я-то думал! — сказал он. — Пришёл заступаться. Теперь они вас и так не тронут.

Он помахал Пиму рукой и ушёл.

Проиграли 0 : 5.

Домой шли молча.

— Ну и хорошо, — сказал Теляков. — А то набили бы морду...

— Тебе, — сказал Толик.

— Как, команда, дела? — спросил Эдик, появляясь из-за дома.

-- С углового один нечестно забили, — сказал Пим.

— Ясно, — Эдик поправил фуражку. По шоссе шла Лена Сердюк. — А остальные честно?

— Остальные ничего.

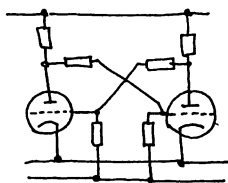
Не оборачиваясь, разошлись по парадным.

«ЗАЧЕМ Я ХОТЕЛ ВИДЕТЬ СЕРГЕЯ? АХ, ДА — КСАНФ! ЗАБЫЛ ПРО НЕГО СКАЗАТЬ. В ОДНОЙ КАРТИНЕ ШПИОН БЫЛ ПАРИКМАХЕРОМ...»

— Мяч надо другой купить, — бубнил Толик, — этот из рук выскакивает. А заметил, мордатый всё время в офсайте пасажа?..

На третьем этаже хлопнула дверь.

— Толик! — крикнула Лена. — Домой — обедать!

Машину закончили перед самыми каникулами.

Летним майским днём Виктор Петрович объявил:

— Сегодня вместо пятого урока соберёмся в лаборатории.

Собрались все.

Это был великий день.

Машина стояла посреди комнаты. К металлической стойке были привинчены фанерные дощечки. На каждой дощечке — радиолампы, белые стаканчики конденсаторов, красные и зелёные палочки сопротивлений. Паутина проводов...

В маленькую комнатку набилось полно народу.

Виктор Петрович проверил питание. Свет есть.

— Марокко, поставьте переключатель на «счёт».

Степан щёлкнул эбонитовой ручкой.

Виктор Петрович проверил изоляцию. Хорошо. Цепь — цела; ещё раз пробежал остриями пробника по контактам.

— Ну вот, — сказал он, — дадим напряжение.

Степан воткнул вилку в сеть. На пульте вспыхнул контрольный глазок.

— Набираю единицу.

Виктор Петрович нажал один раз кнопку.

— Складываю её с нулём.

На пульте зажглась неоновая лампочка.

— Два в нулевой степени равно единице. А сейчас знаменательный миг: умножим два на два. Анатолий, позови Лидию Гавриловну, она в учительской.

Толик выбежал.

Теляков подмигнул Пиму и тотчас же вскрикнул.

— Теляков, что с тобой? — спросил Виктор Петрович.

— Виктор Петрович, он ударился головой о стену. Он больше не будет, — ответил Пим.

Виктор Петрович удивлённо посмотрел на ребят.

Вошли Лидия Гавриловна с Толиком.

— Итак, дважды два!

Виктор Петрович набрал две двойки и нажал кнопку умножения.

На пульте зажглись две лампочки.

— Два в квадрате — четыре и два в нулевой степени — единица; четыре плюс один — пять.

— Дважды два — пять!

Лидия Гавриловна весело засмеялась.

— И всё-таки она работает! — сказал Виктор Петрович. — У человечества были ещё бóльшие заблуждения и неудачи. Я верю в технику. Пускай до осени дважды два будет пять. Идёмте по домам. Завтра последний день занятий!

Поздравляю вас с летом!

СВЕДЕНИЯ ОБ УСПЕВАЕМОСТИ И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКА

Светличкова Тетра

за 19 61 19 62 учебный год

НАЗВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ	Оценки (отметки) успеваемости по четвертям				Годовая оценка (отметка)
	I	II	III	IV	
Русский язык	3	3	3	3	3
Литература	3	5	3	3	3
Родной язык					
Родная литература					
Арифметика	4	5	-	-	5
Алгебра	-	-	5	5	5
Геометрия	5	4	5	5	5
Тригонометрия					
Естествознание					
История	3	3	3	3	3
Конституция СССР					
География	5	5	5	5	5
Физика	4	4	5	5	5
Ботаника	3	3	3	-	3
Астрономия					
Иностранный язык (какой) <i>англ</i>	3	3	3	3	3
Рисование	5	3	5	5	5
Пение	3	3	3	3	3
Черчение					
Физическое воспитание	5	3	5	5	5
Труд	3	3	3	3	3
Поведение	5	4	5	4	5
Число уроков					
Из них пропущено	-	2	-	-	
Количество опозданий на уроки	1	1	-	-	
Подпись классного руководителя <i>Светличкова Тетра</i>					
Подпись родителей <i>Светличков</i>					
ИТОГИ ГОДА: переведен в следующий класс, исключен, вынужденный год, исключен, вынужденный год <i>Переведен в 7 класс.</i>					

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КРАЙ ТАИНСТВЕННЫЙ И ЧУДЕСНЫЙ

ЛЕТО

В июне выгорала трава.

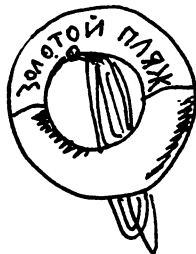
Сухие колосья житняка колючим ковром покрывали степь. Море штилело.

Скалы у Корсонеса золотились мальчишечьими спинами. Со скал мальчишки ловили рыбу. Со скал прыгали в море.

Курортники сторонились скал. Их светло-голубые «Волги» и крытые защитным брезентом газики уносились по шоссе на Золотой пляж.

На Золотом пляже скучное дно. Ровное, без камней, без водорослей. Кроме раков-отшельников, там не водится никто.

Мальчишки презирали Золотой пляж.

ДВЕ МИНУТЫ

Две минуты на земле — это очень мало.

Две минуты под водой — вечность. Это новый мир, в котором нет ни солнца, ни неба, а есть только рассеянный, отовсюду льющийся свет. Есть коричневые, буроватые, зелёные водоросли и бесшумные, как тени, рыбы.

Пим поправил маску, отпустил камень, за который держался рукой, и нырнул.

Дно было завалено обломками скал. Их шербатые бока густо поросли зеленью. Между скалами белыми полянами лежал песок. По песку бродили головастые, в красных пятнышках барабульки.

Тонкими длинными усами они шупали песок. Пим опустился на дно и сунул руку между камней. Из расщелины вылетела тонкая струйка мути. Под пальцами забилося что-то скользкое и вёрткое. Пим отдёрнул руку. Из щели выскочил рыжий губастый бычок — каменчуг, — вытарашил на Пима

глаза, глотнул громадным ртом воду и, стрельнув в бок, исчез.

Пим всплыл, отдышался и, опустив голову, стал рассматривать поросшие чёрными дольками мидий камни. Между мидиями колыхались зелёные нитевидные водоросли. Растопырив ножки и выставив вперёд, как антенны, длинные усы, проплывали креветки...

Пим вылез из воды и растянулся на горячей гальке.

Солнце жгло. Пим покосился на свой живот. Живот был цвета чайной заварки.

На гальку, шелестя, набегали неторопливые стеклянные волны. Пим любил их. У волн был свой язык, свои повадки, свой нрав. Волны были как люди — все разные.

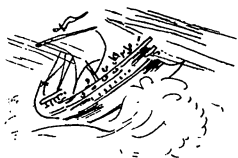
Виктор говорит, что о волнах очень легко рассказать цифрами. У каждой волны свой цифровой ряд. Легко рассчитать, когда волна родилась, когда погаснет.

Пим пошарил пальцами по гальке. Под руку попался черепок. Тонкая глиняная пластинка — осколок кувшина или чашки. Когда-то здесь был город. Узкие улочки. Центральная площадь. Храмы. Бани. Крепостная стена с полукруглыми башнями. Город был греческой колонией. Корабли из Афин и Трои бросали якоря в маленькой бухте, а скифские кочевники разбивали лагерь у крепостной стены.

Волны, шелестя, выбегали к её подножию...

Если бы у людей был свой цифровой ряд, математики давно прочли бы историю этого города. Не нужно было бы раскопок, а судьба каждого человека известна была бы наперёд.

КОЛОКОЛ

На вершине скалы, под которой лежал Пим, висел колокол. Колоколу было несколько сот лет. Его поставили монахи, которые на развалинах греческого города построили монастырь. Тот самый, в здании которого теперь музей.

Колокол висел на железной балке, укреплённой между

двумя каменными столбами. Когда-то в туман и шторм он оглашал тяжёлым звоном окрестное море. Не один корабль, заслышав его в тумане, поворачивал и уходил подальше от чёрных, полупогружённых в воду корсонесских камней.

Потом в море поставили звучащий буй — большую металлическую бочку с фонарём и туманным сигналом. Волна поднимала буй. Он с шумом засасывал в себя воздух. Буй опускался — воздух, проходя по трубам, спрятанным внутри бочки, издавал стонущий звук. Низкий и печальный, он улетал к самому горизонту и там замирал.

В колокол давно уже никто не звонил.

При сильном ветре он раскачивался сам. Тяжёлый язык касался вогнутой стенки. Рождался тихий звон. Он срывался с дрожащей меди и мягкими упругими волнами падал к подножию столбов.

На этот звон никто не обращал внимания.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Обсохнув, Пим натянул майку и полез по тропинке наверх.

За кучей свеженаброшенной земли студенты — молодые парни и девушки — раскапывали угол какого-то здания. Из-под лопат и метлы выступала ровная, сложенная из гладких отёсанных плит мостовая.

Около работающих стояла большая группа экскурсантов. Рассказывал Зойкин дядя — Николай Иванович.

— Это был настоящий город, — говорил он. — Корсонес знал периоды расцвета и упадка. Из бухты, на берегу которой мы стоим, каждый день отплывали в море корабли. Они плыли на Кавказ, к устью Дуная, в Мраморное море. Плыли вдоль берегов. От непогоды прятались в устьях рек и в заливах. Прикованные к сиденьям рабы медленно двигали вёсла. Каждое весло было длиной с мачту. Между рядами гребцов прохаживался надсмотрщик — комит. Если раб сбивался с ритма,

он ударял его плетью. Впрочем, иногда плеть оказывалась лишней: гребцу, который замешкался, разбивало голову весло сидящего сзади раба.

Город жил торговлей. Суда привозили в Корсонес товары из Греции, из Малой Азии, из Африки. Город богател. Скрип вёсел был его музыкой.

Это был шумный город...

Экскурсанты слушали, перешёпывались, переминались с ноги на ногу.

— А теперь идёте в музей, — сказал Николай Иванович. — Я покажу вам коллекцию скифского оружия и древнегреческих конических кувшинов — амфор. К сожалению, амфоры все клеенные, из черепков. Одних ручек у меня двадцать девять. Целой амфоры в Корсонесе не удавалось ещё найти никому. А искали их много. Не искали разве что в море... Желающие подробнее ознакомиться с прошлым Корсонеса могут приобрести в нашем киоске литературу.

ОДНАЖДЫ У ГОРИЗОНТА ПРОШЁЛ СМЕРЧ

Пим тоже купил брошюру «Корсонес Крымский».

Брошюра была тоненькая.

Придя домой, Пим уселся с ногами на диван, открыл настежь окно и начал читать. Книга начиналась с предания о первом путешествии греков в Крым.

«...Трое суток плыли путешественники на север, а берега всё не было. Налетали дожди. Однажды у горизонта прошёл смерч. С удивлением смотрели молодые греки на диковинное зрелище. Серый водяной столб, покачиваясь, медленно поднимался к облакам. От облака отделилась дымная струя и, опустившись, соединилась с водяным столбом. Смерч постоял на одном месте, изогнулся и, оседая и распадаясь, ушёл за горизонт.

К ночи похолодало. Из туманной мглы выступила лиловая полоса гор. У их подножия смутно желтел песок.

— Таинственный и чудесный край! — прошептал кормчий.

Крымские горы медленно двигались навстречу судну...»

— Пим, а Пим!

Пим выглянул в окно.

Во дворе стояли Толик и Теляков.

— Вынеси мяч!

Пим нехотя отложил книгу.

ЦЕЛУЙСЯ С НИМИ САМ!

Играли часа два.

— Уста-ал! — наконец сказал Толик и, отойдя в сторону, уселся на камень.

— Принимаю пяткой, — сказал Пим. Он подбросил мяч и остановил его у себя за спиной.

— Во! — удивился Теляков.

— Тренировочка, — небрежно, подделываясь под Сергея, сказал Пим.

— Здорово получилось, — сказал Теляков. — Знаешь, давай сыграем со слободскими? У них ни одного большого сейчас нет.

Пим не ответил.

— А я знаю, где вот такие каменчуги, — у самого берега! — Теляков расставил ладони и покосился на Пима. Тот думал о чём-то своём. И Теляков решился:

— Сказать чего-то?

— Скажи.

— Я вчера в троллейбусе Виктора и Лидию видел.

Пим пожал плечами.

— Ну и что?

Теляков хихикнул.

— Он её за руку держал.

Пим нахмурился.

— Они впереди меня сидели, — заторопился Теляков. — Он наклонился и сказал ей что-то на ухо, а она засмеялась и сказала: «Выдумываешь ты всё!»

Пим присвистнул.

— А потом, когда они выходили... По-моему, Лидия в него просто...

Пим встал.

— Знаешь что, Телевизор, — глухо сказал он и поднёс к самому теляковскому носу кулак. — Если ты про Виктора и Лидию ещё кому-нибудь чего-нибудь... Смотри!

Теляков испуганно попятился назад.

— Тю, — забормотал он, — с ума! Я тебе как другу. Да нужны они мне, — срывающимся голосом крикнул он, — целуйся с ними сам!

СИНЯК

На вторую игру у слободских пришло только пять человек.

— Выиграем! — шепнул Пиму Толик. — Печи нет и мордатого тоже. Можно, я пойду в нападение?

— Стой тут! — сказал Пим. И Толик пошёл к воротам.

Стоял он в этот раз хорошо. Один мяч вытащил из самого угла. Маленький вёрткий защитник прошёл с мячом от ворот до ворот и пустил мяч низом, впритирку к штанге. Вместо штанги лежал кирпич. Мяч стукнулся о кирпич, и в этот момент Толик накрыл его.

— Молодец! — удивился Степан.

Толик встал. Над левым глазом у него наливался розовой краской синяк.

— Об кирпич! — крикнул Толик Пиму и показал на глаз.

— Об штангу, — поправил его Пим.

Играли два тайма. К концу второго обе команды выдохлись, отдуваясь бегали за мячом. Слободские потихоньку ругались.

— Всё! — крикнул Пим и поднял вверх обе руки, показывая, что время истекло.

— Давай дальше! — решительно сказал маленький защитник, но остановился:

Мяч, за которым он бежал, выкатился за лицевую линию.

— Давай дальше! — повторил слободской и сел на землю.

Игра окончилась.

Ноль-ноль.

— Знаешь что, — сказал Толик, когда они возвращались домой, — давай назовём нашу команду «Одиннадцать восьми-ногих»?

— Хорошо, — подумав, ответил Пим.

ВТОРОЕ ПИСЬМО

У дома Пима встретила мать. В руках у неё был жёлтый конверт.

— Пим, — весело крикнула она и помахала конвертом в воздухе. — Письмо!

«Здравствуйте, Мария и Пётр! — писал на этот раз отец. — Ходим по океану подряд больше месяца. Ставим трал, два, а то и три на день. В Конакри сойти на берег мне не вышло. Стоял вахту. Как придём в ганский порт Тема старший механик обещал обязательно. Вчера тралом добыли рыбу без хвоста. Одна голова, туловище, да два плавника длинных. Институтские ребята сказали: «Луна-рыба». Если будем в Теме куплю тебе Мария бусы из косточек. Как учится наш Пётр? Скажи ему отец бросал школу сказал доучусь. И вот уже второй десяток доучивается. Засушил ему крыло летучей рыбы — плавник длинный. Здесь все засушивают. Жарко очень. Целую и за неимением времени кончаю писать. Ваш отец Иван».

Мать долго молчала.

— Правда, хорошее письмо? — неуверенно спросила она. Пим удивился.

— Конечно, хорошее.

— Видишь ли, — мать замаялась, — ему действительно не удалось доучиться. Но ведь это не играет роли. Видишь, как он нас любит. Засушил тебе летучую рыбу...

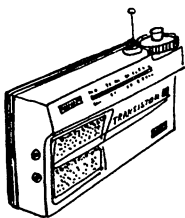
— Плавник... Мама, можно я схожу в Корсонес? С маской.

— Сходи. Правда, я хотела с тобой посидеть...

— Меня Толик ждёт.

— Ну что ж, тогда иди.

АМФОРА

Они шли по берегу. По круглым жёлтым валунам. По гальке. По воде. Толик было отстал. Пим остановился и подождал его. Море было спокойное. Прозрачное. Между камней едва шевелились водоросли. Пим перевернул ногой известковую булыжнину. Из-под камня брызнули во все стороны голубоватые морские блохи. На горизонте, до половины скрываясь в воде, шёл танкер. Вброд обогнули скалу.

За скалой сидели парень и девушка. Они сидели под огромным полосатым зонтом. Рядом с ними потрескивал приёмник.

«Слушайте выступление нашего комментатора...»

Парень крутанул пальцем ручку, и по скалам запрыгали металлические фортепьянные аккорды.

— Японский, — сказал Пим, посмотрев на крошечный приёмник.

Толик важно кивнул.

Дошли до колокола. Пим нацепил на лицо маску и полез в воду.

По дну бродили зеленоватые солнечные блики. Коричневые шапки цистозиды покрывали камни. Вокруг камней вертелись пёстрые зеленушки. Бока у них были в малиновых и синих полосках. Завидев человека, зеленушки отошли в сторону, догрызая на ходу маленькие, похожие на семечки раковины.

Пим плыл, медленно шевеля ногами, и внимательно осматривал дно. Между камнями много песка. Это хорошо: в нём могут лежать амфоры.

Перед самым его носом булькнул камешек. Пим поднял лицо из воды. Толик показывал рукой: «Далеко ушёл влево!»

Пим вернулся и поплыл от берега прямо в море, на глубину. Камни и трава сменились чистым песком. Песок лучился на солнце. Раки-отшельники, волоча за собой известковые домики, чёрными запятыми двигались по дну.

Стало холодно. Песчаное дно не нагревалось. Оно отражало лучи солнца, как зеркало. Дно круто уходило вниз. Скоро оно слилось в одно большое светлое пятно. Пим нырнул, раз, второй. Вода больно давила на уши. Опустившись к самому дну, он увидел тёмную полосу. Всплыл, отдышался, нырнул ещё раз. Дно стремительно приблизилось. Тёмная полоска подошла к самым глазам. Ручка! Ручка от амфоры! Пим судорожно глотнул слюну. Серебряный пузырьёк выскочил у него изо рта. Он схватил ручку и рванул её к себе. Подняв клуб золотистой пыли, она поддалась и осталась в ладони. Часто перебирая ногами, Пим всплыл, глотнул воздуха, поднял добычу над головой.

Это была не амфора. Это был только обломок: ручка на толстом выпуклом черепке.

Пим перевернулся на спину и поплыл к берегу.

Рядом с Толиком на корточках сидел Степан.

— Смотри, что мы нашли, — сказал Толик и протянул Пиму ладонь.

На ладони лежала винтовочная гильза.

— Ну и что? — спросил Пим. Он тяжело дышал. — Таких в степи полно.

— Ця не такая, — сказал Степан.

Пим положил ручку от амфоры и взял с ладони у Толика гильзу. Старая, зелёная, мягая, короткая гильза. И верно, не такая.

— А вот ещё одна, — сказал Толик и поднял у себя из-под ног вторую гильзу.

Больше гильз не нашли.

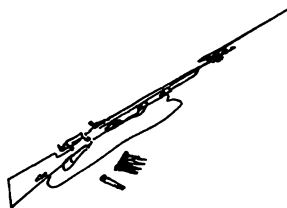
Ручку от амфоры снесли в музей.

— Ну что ж, — вздохнув, сказал Николай Иванович, — пусть их у меня будет тридцать, — он положил ручку в шкаф. — А теперь давайте ваши гильзы.

Он повертел одну из гильз перед глазами.

— Винтовочный патрон начала века, — невесело произнёс он. — На этом пляже в тысяча девятьсот пятом году было расстреляно тридцать шесть человек.

РАССТРЕЛ

В город их привезли ночью. Тридцать шесть солдат восставшего в Севастополе батальона.

Весь день под окна тюрьмы шёл народ. Из толпы выбегали, карабкались на фонарные столбы ораторы. Сбивчиво, взахлёб выкрикивали лозунги.

Разошлись поздно вечером. А ночью из тюремных ворот две шеренги солдат вывели арестованных.

Николай Иванович был тогда мальчишкой.

Прячась в тени домов, он пошёл вслед за солдатами. Арестованные брели кучкой. Некоторых поддерживали товарищи. Прошли по Степной, спустились к Мусульманскому кладбищу; обойдя его, вышли на берег моря.

Была светлая ночь. Зелёные тени лежали на известковых скалах. Густой, с полынным запахом воздух медленно стекал с обрыва, едва заметно шевелил море.

Арестованных поставили в ряд под скалой на белой галечной осыпке.

Хрипло крикнул что-то офицер. Вразнобой — не сразу — защёлкали затворы.

И тогда арестованные запели.

Они пели очень тихо, и мальчик не разбирал слов. Они стояли плечом к плечу. Двое висели на руках товарищей.

Офицер крикнул ещё раз.
Раздался одинокий выстрел.
Кто-то протяжно и громко охнул.
Песня прекратилась.

Офицер, тыча в лица солдат чем-то блестящим, забегал перед строем.

Мальчик лежал на скале и, не отрываясь, смотрел вниз.

Снова раздался топот ног. Шла вторая группа солдат с арестованными.

Прижимаясь к земле, мальчик переполз через пригорок, скользнул в ложину и, вскочив на ноги, бросился домой.

Позади него грохнул залп...

Три дня берег был оцеплен.

На четвёртый — ударил шторм.

Когда он утих, перевёрнутая, обмытая волной галька была чиста.

На кладбище, у самой стены, в эти дни вырыли и засыпали две траншеи...

— Я давно не был там... — Николай Иванович вздохнул. — Держите вашу гильзу.

Он отошёл в сторону, потом, вспомнив что-то, остановился.

— Подите сюда, мальчики! Смотрите, что откопали мы вчера. Присяга, которую принимали корсонесские юноши, достигшие совершеннолетия. Камень разбит, но часть текста читается:

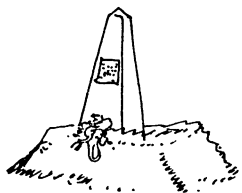
«Клянусь не предавать Корсонеса, ни Перкентиды, ни Лазурной гавани, ни прочих укреплённых пунктов и территории корсонесцев, а равно ни друзей, ни людей, у которых мы учимся...»

...НИ ЛЮДЕЙ, У КОТОРЫХ МЫ УЧИМСЯ.

— Кстати, Пётр, — сказал он, — что у вас получилось с Зоей? Она отдыхает у матери, прислала с Ладоги письмо. Всем привет, кроме тебя. А?

Пим пожал плечами.

— Мы пошли, Николай Иванович! — сказал он.

Кладбище было рядом с Корсонесом. Перелезли через ограду. Первый — Пим, за ним — Толик. Пошли вдоль стены.

Серо-зелёные кусты заманихи шапками покрывали старые могильные плиты. Покосившиеся каменные столбы с высеченной на каждом чалмой — татарские надгробия — торчали между кустов.

На каменных столбах, как заводные, трещали цикады. В самом дальнем углу кладбища стояли две деревянные, выкрашенные красной краской пирамиды. Подошли к одной из них. На металлической дощечке было вырезано:

„Сентябрь. 1905 год“.

И всё.

За кустами послышались голоса.

Ребята заглянули в просвет между ветвями.

По дорожке шли Лидия Гавриловна и Виктор Петрович. Виктор Петрович что-то говорил. Лидия Гавриловна тихо смеялась. Около куста заманихи они остановились. Виктор Петрович протянул руку и поймал цикаду. Большая жёлтая цикада рвалась у него из пальцев, гудела шмелем. Лидия Гавриловна нахмурилась.

— Ну, что ты уставился? — буркнул Пим и толкнул Толика в спину. — Пошли.

Толик посмотрел на Пима. Пим шагал нахмуясь, на ходу шевелил губами.

ДРУЗЕЙ НЕ ВЫДАЮТ

Они встретились в городе.

Пим бросился к Сергею.

— Серёга, ты где пропал? Я приходил — тебя нет.

— Работал.

— А в выходной?
Сергей не ответил.
— Что с тобой, Серёга? — спросил Пим.
Сергей снова помолчал.
— Понимаешь, какая штука, — нехотя проговорил он. — Меня тут в милицию вызывали.
— Зачем?
— Насчёт того дела.
— С пьяным?
— Да. Кто-то сказал, что видел меня. Люди за забором видели. В милиции спросили: «Был там?» Я сказал: «Был».
— А про Хлыста ты сказал?
— Друзей не выдают, — усмехнулся Сергей.
— Какой же он тебе друг?
— Было, дружили... Надоела мне вся эта петрушка. Школу бросил — брошу завод. Уйду плавать. Как твой отец. Потом доучусь.
— А вдруг тебя арестуют? — спросил Пим.
— Не арестуют. Ну ладно, ты домой?
— Домой.
— Увидишь некоторых знакомых — привет. Скажи, собирается в океан. Тропики, тралы...

Когда Сергей скрылся в толпе, Пим долго стоял на одном месте, а потом медленно пошёл по улице. Улица шла в сторону от бухты. Она вела к центру.

МНЕ НУЖНО ВАМ РАССКАЗАТЬ

Дойдя до центра, Пим отыскал на Большой Корабельной дом с чёрной стеклянной доской у входа:

НАРОДНЫЙ СУД

Прежде чем войти, он сделал несколько кругов около дома. Дверь с тугой кольчатой пружиной. Длинный пустой коридор.

— Скажите. . . — Пим почувствовал, что хрипнет. — Мне. . . к следователю.

Стоявший у входа мужчина показал в глубь коридора.

— Прямо, налево, пятая дверь. . .

.
— Можно?

В комнате, куда заглянул Пим, за столом сидела женщина. Молодая и строгая. Она удивлённо подняла брови.

— Мне нужно вам рассказать. . .

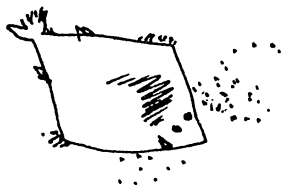
Запинаясь и перескакивая с пятого на десятое, Пим рассказал о вычислительной машине, которая должна умножать и делить числа, о вечере, о светлом пятне от фонаря, о Хлысте и о Сергее, который увёл его, Пима, из переулка.

Когда Пим окончил, следователь записала всё и дала ему расписаться. Пим поставил внизу листа две буквы: «П. М.»

— Можешь идти, — сказал женщина. — Адрес твой я записала.

Когда Пим уходил, в коридоре было уже много народа. Многие видели его. . .

КАМБАЛА

Море лежало тяжёлой разноцветной глыбой. Оно было ласковым, мутно-голубым у горизонта, синим у входных мысов, прозрачным, цвета бутылочного стекла, в бухте. У берега, по колено в воде, на скользких камнях стояли Степан и Толик.

— Оп!

Пим спрыгнул к ребятам с обрыва, разложил удочки и, усевшись на камень, тоже начал удить.

— Оп!

В воздухе завертелась глянцевая зеленоватая рыбка.

Пим поймал её на лету, снял с крючка и бросил на гальку. Морская собачка. На голове — ветвистый голубой гребешок, бока в синих точках.

Толику не везло. Он стоял, морщил облупленный, побелевший, как ракушка на солнце, нос, напряжённо всматривался в воду. Не клюёт.

Удили на поддев.

Крючок Толика лежал на большом, курчавом от рыжих водорослей камне. На конце крючка розовым огоньком светился червяк. К крючку подошёл рак-отшельник. На спине он тащил домик — пустую улиткину раковину.

Тоненькие усики ощупали червя. Красная клешенка ухватила его сбоку.

Толик дёрнул. Раковина сорвалась с места, стремительно двинулась за крючком. В воздухе рачок разжал клешню и, кувыркаясь, шлёпнулся в воду.

— Чего дёргаешь? — недовольно сказал Пим. — Пугаешь только!

Он смотал удочки, засучил штаны выше колен и побрёл на скалку — горбатую глыбу, лежавшую особняком.

У скалки начиналась глубина. Собачек здесь не было, рыба ловилась редко. Скалку со всех сторон облепили крабы. От их пощёлкивания в воздухе всё время стоял непрерывный шумок.

При виде Пима крабья мелочь боком — юрк! юрк! — скрылась в щелях. Два старых кривоногих мохнача нехотя, задом, сползли в воду.

Из-за мыса выросли мачты и трубы крейсера.

— «Михаил Кутузов»! — закричал Толик.

Пим прикрыл ладонью глаза. Кормовая мачта крейсера быстро скрывалась за городскими крышами.

— Из Севастополя, — сказал Степан.

Пришла волна.

Поднимая водоросли, с рёвом затопляя камни, она двигалась на ребят.

Толик выскочил на берег.

За ним вышел Степан.

Пим подпрыгнул и опустился в шипящую, уже угасающую пену.

В этот момент у него дёрнуло.

Наклонив удочку, чтобы не сломать, он осторожно повёл леску к берегу.

Невидимое существо сопротивлялось.

У самых камней Пим перехватил удочку двумя руками и выволок на берег что-то коричневое, плоское, бьющее хвостом по песку.

Камбала!

Рыба лежала горбясь и щёлкая плоским хвостом-лопаточкой.

Ребята вырыли яму, обложили её камнями, бросили туда камбалу. Тараша глаза, она бурым шишковатым листом заколыхалась на дне.

— Что поймали? — раздался позади них хриплый голос. Пим обернулся. Перед ним стоял Хлыст.

ЧТО ТЫ ВИДЕЛ?

Хлыст стоял заложив руки за спину. Низкий лоб его был нахмурен. Рот недобро сжат.

— Не дрейфь, — сказал Хлыст Пиму и рукой отодвинул его в сторону. — Чего выдернули?

В яме, задыхаясь на мелководе, билась камбала.

Хлыст наклонился и пошарил в воде рукой. Камбала с размаху ударились о камни.

— Не тронь! — попросил Толик.

Хлыст приподнял скуластое лицо и обвёл глазами ребят. Взгляд его задержался на Пиме.

— Ты что тогда видел? — неожиданно спросил он.

— Ничего.

— Врёшь.

— Не вру.

— Долго там был?

Пим промолчал.

— Врёшь, зараза.

— Я...

Хлыст приподнялся и приблизил лицо к Пиму.

— Если продашь, — убью, — сказал он.

Он сказал это еле слышно.

Пим глотнул слюну.

Хлыст снова присел над ямой, засучил рукав, поддел камбалы ладонью и выбросил её на песок.

Камбала на лету хлестнула его хвостом по руке.

Хлыст выругался и носком резиновой тапки столкнул рыбу в море.

Шлёпая по камням, камбала перебежала на глубокое место, метнулась вправо, влево и исчезла.

Хлыст повернулся и пошёл прочь.

У белой покосившейся известковой скалы он остановился, сплюнул и ещё раз посмотрел на Пима.

ВОСЕМЬ ЧЕЛОВЕК

Неделю Пим не выходил из дома.

— Что ты всё читаешь? — удивлялась мать. — Вон ребята опять в Корсонес пошли.

— Ничего... Можно, мам, я попечатаю?

Мать пожала плечами.

Пим вставил в машинку лист и напечатал второй список:

ОДИННАДЦАТЬ ВОСЬМИНОГИХ

1. Меньшиков Пётр.

2. Сердюк Анатолий.

3. Марокко Степан.

4. Мергерян Рафик.

5. Теляков Пётр.

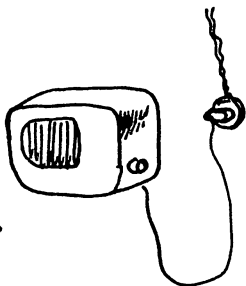
6. Руденко Костя.

7. Руденко Коля.

Восьминогих было уже семь. Подумав, он добавил восьмого:

8. Никольская Зоя.

ТУМАН

«В Симферополе в течение дня осадки. На западном и южном берегу Крыма — местами туман».

Погода испортилась.

Закрапал дождь. С моря на город надвинулась влажная стена тумана.

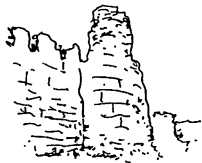
Прибежал Толик.

— Пим, идём в Корсонес! — взмолился он. — На башню залезем. Туман на земле, а мы наверху. Как в облаках. Мне Зойка прошлый год показала. Ух, здóрово!

Во дворе ничего не было видно в десяти шагах.

— Ладно, пойдём, — сказал Пим. — Видал список? Ещё троих — и команда!

В КОРСОНЕСЕ

Над развалинами древнего города стоял туман.

Цепляясь руками за кусты бобовника, Пим поднялся по рву к самой башне. Башня плыла в голубоватом тумане. Вместе с ней плыли зубчатые развалины городской стены. Белые туманные полосы ветер уносил в степь. От тумана была мокрой трава. Мокрыми были листья кустов и камни.

— Пим, обожди!

Пим обернулся. Толик спускался в ров. Он скатился на самое дно, перебежал тропинку, начал карабкаться к Пиму.

По ту сторону башни щёлкнул камешек. Послышались шаги. В сыром воздухе звук их разносился далеко и гулко.

Над гребнем стены показалась человеческая голова.

— Пим! — прошептал Толик. — Это Ксанф.

— Он! — удивился Пим.

Голова Ксанфа медленно двигалась вперёд. Сторож перелез через стену, спустился в ров и направился к морю.

— Пойдём за ним?

— Зачем?

Пим показал Толику — молчи! — и, осторожно ставя ноги в скользкую траву, начал спускаться в ров. Толик нехотя двинулся за ним.

Ближе к морю ров мельчал. Ксанф вышел из него, постоял на одном месте, повернул и направился к раскопкам. Тропинка, которой он шёл, проходила мимо колокола. Около его столбов Ксанф остановился, присел на корточки и начал шарить руками по земле, ища что-то.

Ключья тумана, поднимаясь от моря, то и дело закрывали его. Толик и Пим стояли за грудой битых камней у последней куртины — последнего пролёта крепостной стены. От колокола их отделяло шагов сто.

ЧТО ИЩЕТ ЗДЕСЬ СТАРИК?

Ксанф выпрямился. В руке он держал что-то маленькое, тёмное. Найденное поднёс к глазам. Потом, словно испугавшись, сунул находку в карман, повернулся и пошёл назад. Он шёл теперь прямо на ребят.

Толик вцепился в плечо Пима.

— Пим, что он нашёл?

— Не знаю!

Сторож приближался. Толик начал отступать за спину Пима. Из-под его ноги вырвался камень и с грохотом покати́лся в яму.

Ксанф остановился.

Толик повернулся и бросился бежать. Он бежал не огля-

дываясь. Следом трусил Пим. Скользя по траве, ребята обегали башню и очутились перед зданием музея.

— Ну, чего ты побежал? — отдуваясь, спросил Пим.

— А ты чего? — огрызнулся Толик.

— Знаешь что, идём к Николаю Ивановичу, — сказал Пим. — Расскажем ему всё.

И СНОВА КСАНФ

— Что ищет в развалинах школьный сторож? Почему он знает число «пи» и помнит название каравелл Колумба? Не шпион ли он?.. Кто этот человек на самом деле?.. Конечно, не школьный сторож.

Николай Иванович откинулся в кресле и с шумом открыл ящик своего стола.

— Вот... — он со стуком высыпал на стол горсть черепков. — И вот... — на столе появились обломки обработанных камней. — Черепки и камни, тысячами покрывающие землю Корсонеса. Их собирает и приносит сюда Ксанф. И я, вместо того чтобы выбрасывать их в окно, бережно складываю в стол.

Я расскажу вам историю человека, по имени Ксаверий Антонович Фалинский. Человека, которого вы называете Ксанф.

Ксаверия Антоновича Фалинского я знаю шестьдесят лет. Мы выросли здесь, в Приморске. Это был тогда захудалый порт. Ксаверий рос в бедной семье. Его отец был жестянщик, из сына он мечтал сделать музыканта. Ксавка учился играть на скрипке. Каждый день в десять часов утра он брал футляр и отправлялся на урок. Он был щедушный мальчик. Скрипка казалась ему, наверное, роялем. Он не любил музыку, он ненавидел свои уроки, он хотел играть с мальчишками в свайки и ловить на удочку морских собак. Со слезами он тащил свою скрипку по городу. И вот однажды он не явился на урок. Это было в тот день, когда в Приморск пришёл восставший броненосец «Потёмкин». Ксавка приволок свой чёрный футляр в

порт. Целый день он просидел с нами на горячих, раскалённых солнцем цементных плитах. Он купался до синевы, углём рисовал на цементе стоящий на рейде броненосец. Когда солнце прошло зенит, я увидел, что он плачет. Я взвалил на плечо его скрипку, и мы пошли домой. Его отец был горячий человек. Он должен был убить Ксавку. Мы подошли к дому и остановились. Отец с учителем стояли посреди улицы. Отец что-то кричал и размахивал руками. Ксавка сел на мостовую. «Я не могу», — сказал он. В этот момент над нашими головами просвистел снаряд. Раздался взрыв, затем второй. Люди бросились врассыпную. Это «Потёмкин» открыл огонь по казачьим казармам...

Прошло пятнадцать лет. Прошли две революции и гражданская война. Мы с Ксаверием встретились снова. На этот раз в Петрограде. Я был уже на партийной работе, он приехал поступать в Академию художеств. Он всегда здорово рисовал. И вот в день экзамена Ксаверий, проходя мимо университета, увидел афишу — академик Тарле читал лекцию о Крымской войне. Он зашёл в аудиторию, прослушал лекцию и не явился на экзамен. Он поступил в университет. Он стал историком. Что вы знаете о первой письменности на Руси? Конечно, ничего. Так вот, Ксаверий начал с неё. Древнейшие памятники: Остромирово евангелие, надпись тмутараканского князя Глеба на камне, надпись Анны Ярославны, гнездовская надпись на черепке — и черепки умеют волновать мир... Я и сейчас помню его работы. Первые русские газеты... 2 января 1703 года петровская газета «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти...» сообщала: «Из Персиды пишут. Индейский царь послал в дарах великому государю нашему слона... Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путём». Разве не прелесть! Слон — пешеход. Он шёл в Санкт-Петербург в галошах, чтобы не сбить ноги. Это всё раскопал Ксанф. А ты спрашиваешь, откуда Ксанф знает названия каравелл Колумба! Да на его лекциях в Москве студенты набивались в аудиторию как селёдки. Они сидели на полу, на окнах. Смех в Академии! Только Ксаверий мог рассмешить, читая лекцию о древних одеждах. Это был блестящий

историк. Всю жизнь он мечтал заняться раскопками Корсонеса...

Николай Иванович остановился.

— Почему же... — начал Пим и замолчал.

Николай Иванович ответил не сразу.

— Ты пионер, Пим, ты должен знать. Было время, которое называют годами культа Сталина. В эти годы погибло много честных людей. Ксаверий был оклеветан и посажен в тюрьму. Из тюрьмы вышел тот человек, которого мы знаем сейчас. Школьный сторож... Он никогда не мог без работы. Иногда у него просыпается память. Он вспоминает даты, людей. Мне очень обидно и страшно — порой он не узнаёт даже меня...

В комнате было тихо-тихо. Зойкина тётка — Мария Степановна — пристально смотрела через очки на Пима. В окне, как обезумевшая, билась бабочка-голубянка. За окном сиренево дымились в вечернем воздухе развалины Корсонеса...

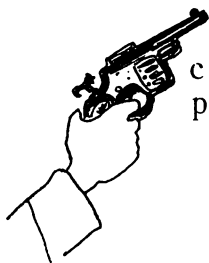
— Кстати, Пётр, — сказал Николай Иванович, — от Зои снова пришло письмо.

— Да?

— Может быть, ей будет приятно...

— Не стоит. До свидания, Николай Иванович, — сказал Пим.

Н Е Т!

Они шли молча. На обоих были светлые плащи с поднятыми воротниками. Фимка шёл чуть впереди. Хлыст — сзади.

Пройдя Симферопольскую, Фимка спросил:

— Кто будет бить?

— Ты.

— А ты?

Хлыст не ответил.

На троллейбусном кольце было пусто. Хлыст остался под навесом. Фимка пошёл к дому.

На звонок открыла мать Пима,

— Извините, — сказал Фимка, — сына вашего можно?

— Его нет дома. Он ушёл в музей.

Фимка кивнул и пошёл вниз.

— Если хотите, можете подождать, он скоро придёт! — крикнула ему вдогонку мать.

В парадной Фимка прислонился к двери и стал ждать.

За домом играли в футбол.

Подпрыгивая на камнях, из-за угла выкатился мяч. П слышался топот бегущих ног.

Кто-то положил Фимке руку на плечо. Перед ним стоял Сергей.

— Ты чего здесь? — спросил он.

Фимка снял руку с плеча и ничего не ответил.

— Кого ждёшь?

— Не тебя.

— Тогда катись отсюда!

Фимка вырвался из крепких рук Сергея и рысцой побежал к остановке.

Со стороны города на шоссе показался троллейбус.

Сергей догнал Фимку.

— Ты не вздумай, — тихо сказал он. — За него я из тебя компот сделаю!

Они дошли до остановки, и в ту же минуту из-за столба вышел Хлыст.

— А, Серёжа! — медленно протянул он.

— Прогнал! — показал подбородком на Сергея Фимка.

— Значит, против друзей пошёл? — ласково сказал Хлыст и стал боком подходить к Сергею.

В том, как он шёл, было что-то недоброе. Правую руку Хлыст держал в кармане.

— Сволочь ты, — медленно сказал Сергей и сделал шаг назад.

Хлыст обернулся, троллейбус был уже близко. Тогда Хлыст вырвал руку из кармана. Блеснул короткий складной нож.

Сергей охнул и медленно, сгибаясь, начал опускаться на

землю. Он опускался, прижимая руку к груди. С руки капала кровь.

Хлыст и Фимка, прыгая через ямы, бросились наутёк.

Наперерез им, доставая из кобуры пистолет, уже бежал Эдик. Он всегда появлялся, когда его никто не ждал. Он выстрелил в воздух раз, второй...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗОЙКА, КСАНФ

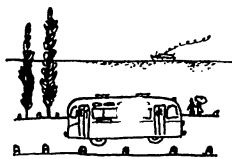
ОСЕНЬ

В сентябре спадала жара.

Море было спокойное, без волн. Толпы курортников разгуливали по бульвару. Автобусы с табличками «Экскурсионный», «Ялта» и «Феодосия» шныряли по городу. На Исторической горке отставные военные показывали туристам места боёв. Около памятника Пирогову туристы фотографировались.

Осенью и не пахло.

И потом, первое сентября — это ещё не осень.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Первый раз в жизни Пим пришёл в школу раньше всех.

Он сидел на парте и ждал.

На улице готовились к встрече малышей. Военный оркестр пробовал трубы: «Бу! Бу! Бу!»

— Мамаши, мамыши, в сторонку! — кричала Зинаида Фёдоровна. — Отсюда будет снимать фотограф!

В класс заглянул Пеца.

— Ваши — где раньше был девятый «бэ», — сказал Пим. Пеца исчез.

Дверь распахнулась, и в класс влетели братья Руденко.

— Здорово, Пим! — закричал Костя. — А мы grossмейстера видели!

— В Одессе! — сказал Коля.

— Мы с ним две партии играли. Одну проиграли, а вторую он выиграл!

— Молодцы! — сказал Пим.

Вошёл Рафик.

— А ты где был? — спросил Пим.

— В Ереване.

— Ну, как там?

— Плохо. — Глаза у Рафика сделались тёмные-претёмные. — Дедушка наш болеет. Очень плох дедушка.

Пиму стало неловко.

— Ничего, — сказал он, — сейчас лекарства знаешь какие! Вылечат. Ему сколько лет — твоему дедушке?

Рафик не ответил.

В класс ввалилась куча ребят. Пим покосился на дверь. В дверях стояла Зойка. На ней был новый передник. И ещё что-то в ней было новое... Пим так и не понял — что.

Зойка вошла в класс и пошла на своё место.

— Здравствуй! — буркнул Пим, когда Зойка проходила мимо.

— Здравствуй!..

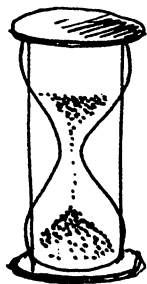
Зойка прошла. За спиной у Пима хлопнула крышка парты, щёлкнул портфель и зашелестела тетрадь...

На пороге появилась Лидия Гавриловна.

— Здравствуйте, дети! — сказала она. — Поздравляю вас с новым учебным годом. Первый урок — геометрия, последний — мой. Мы расскажем друг другу, чем стало для нас это лето. Что было в нём замечательного.

Руденки заулыбались.

ВРЕМЯ

Виктор Петрович стоял спиной к классу.

В руке его был мел.

Белые линии рисунка раскалывали на части чёрную поверхность доски.

— Вспомним шестой класс, — сказал он. —

Для того чтобы сложить два угла, необходимо...

Виктор Петрович остановился.

— Сердюк, когда нам приходится складывать углы?

Толя вскочил.

— Когда они... Когда их надо сложить.

Виктор Петрович кивнул. Толик облегчённо вздохнул и сел.

— Смелый ответ. Давайте так. Представьте себе людей, которые ждут. Ждут школьники, железнодорожники, космонавты. Ждут юноши и девушки. Время — вот что страшно интересует их. Сколько осталось до урока, до отхода поезда, до возвращения ракеты...

— До встречи, — сказала Зойка.

— Безусловно. Но что такое ВРЕМЯ? Кто знает, что такое время, пусть поднимет руку.

На задней парте поднялась и тотчас же спряталась ладонь.

— Теляков, вы знаете?

— Виктор Петрович, я знал, да забыл.

Виктор Петрович снова кивнул.

— Вы государственный преступник, — серьёзно сказал он. — Никто во всём мире не знает точно, что такое время, а вы знали, да забыли.

В классе зафыркали.

— Разве всё упомнишь, — сказал Теляков.

— Конечно. Только философы рискуют говорить, что такое время. Я не философ, я — математик. Для меня время — это угол, на который повернулся земной шар после полуночи. Ожидая, мы складываем углы.

Сейчас я поясню эту мысль чертежом, а Теляков сложит углы, которые я нарисую...

Пим искоса посмотрел на Зойку. Вот оно что! Удлинились ресницы, потемнели, позеленели глаза. Вместо двух хвостиков на затылке — толстый узел косы.

Пим вытащил промокашку и нарисовал на ней новый Зойкин профиль. Посмотрел, порвал бумажку, громко сказал, повернувшись к Толику:

— Приходи сегодня на бухту. В шесть часов.

Зойка сидела, низко наклонив голову над тетрадкой.

Виктор Петрович постучал мелом по доске.

— Тише!

После уроков Степан крикнул:
— Пим, останешься? На машину пойдём.
Пим почесал переносицу. До шести ещё далеко...

В комнате, где стояла машина, собралось человек двенадцать.

— Ого, а я думал, вы поостыли! — обрадовался Виктор Петрович. — Ну, так с чего начнём?

— Умножим три на три! — выкрикнул Толик.

— Не сто́ит. Мы получим шесть или десять. Машина ещё неисправна. Её надо отладить. Это кропотливая работа, и, прежде чем приступить к ней, я предлагаю пройти краткий курс обучения. Будем изучать устройство вычислительных машин. Ведь паяли весной вы вслепую. Будем заниматься вечером два раза в неделю. Кто согласен, поднимите руку.

Рук не подняли только трое.

— У нас шахматный кружок, — сказали братья Руденко. — Тоже два раза. Мы не можем.

— А ты, Меньшиков?

Пим оглянулся на дверь. Зойки не было.

— Не знаю, — проговорил он. — Я, пожалуй, ходить не буду, Виктор Петрович. Мне дома... по хозяйству надо... И потом, отец в плавании.

Виктор Петрович удивлённо поднял брови.

— И я тоже, — быстро сказал Толик. — Мы с Меньшиковым в одном доме живём.

— Веская причина! — сказал Виктор Петрович. — Зачем же ты поднимал руку? Очень жаль!

Четверо покинули комнату.

Уже стоя в коридоре, Толик усомнился:

— А может, зря? Вдруг там интересно будет, а?

— Конечно интересно! — сказал Пим. — Ты не забыл — в шесть на бухту?

Толик мотнул головой.

МЕДУЗЫ

Без пяти шесть Пим по тропинке спустился к морю.

Бухта была забита медузами. Голубоватые блюдечки покачивались на волнах.

Медуз сюда загнал шторм. Никто не слышит его приближения, а медузы слышат. За тысячи миль они улавливают тяжёлое движение воды, прячутся в бухты или погружаются на глубину.

Пим бросил голыш. Он упал в воду без всплеска, как в желе.

Позади послышался шум падающих камней. По тропинке спускался Толик. Он весело махал руками.

— Седьмой час. Что будем делать? — Толик заглянул Пиму в глаза.

Пим осмотрелся. Берег пустынный.

— Идём домой, — сказал он и пошёл назад. По тропинке, вверх.

Удивлённый Толик побрёл за ним.

РЕСИФИ

— Ты карту хорошо знаешь? — спросил дома Толик. — Давай играть!

— Как?

— Загадывать города.

Пим угрюмо смотрел в окно. Толик забрался на диван и принялся искать город похитрее: Каракас... Кито... Ресифи.

Пим смотрел в окно. На берегу показалась тёмная человеческая фигурка.

— Идём на бухту, — неожиданно предложил он.

Толик вытарашил глаза.

— Ты что, сумасшедший? Мы же только оттуда.

Но Пим уже выходил на лестницу.

Они снова спустились по тропинке к воде, обошли весь пляж. Пим слазал на скалу у входного мыса, зачем-то сбегал в степь и вернулся обратно.

— Знаешь, что я хотел загадать? — спросил Толик.

— Что?

— Ресифи.

— Что? — переспросил Пим. — Вечно ты какую-то чепуху найдёшь. И ходит за мной и ходит! Чего тебе надо?

Толик остановился и долго смотрел вслед Пиму, ошалело хлопая глазами.

— Сумасшедший какой-то! На машину — не надо, на бухту — не надо... Не знает Ресифи, так обязательно кричать, что ли?..

НЕСЧАСТЬЕ

Во дворе у подъезда стоял Николай Иванович.

Когда Пим подошёл, старик первый сделал к нему шаг.

— Петя, — сказал он, — я жду тебя. Несчастье. Заболел Ксаверий Антонович. Идём встречать машину, я уже вызвал «Скорую помощь». Нет Зои — ушла куда-то. Час как не могу её найти.

ЛЮСТРА

Вечером стены комнаты делались разноцветными.

Под потолком висела люстра. У неё было три рожка: красный, жёлтый, зелёный.

Когда Пим становился у стены, на ней появлялись три тени. Красный, жёлтый и зелёный Пим покачивались из стороны в сторону.

Пим забирался в постель и выключал свет...

Вчера Зойка лучше всех написала сочинение: «Я горжусь своим отцом». Отца она не помнила. Она писала о Николае Ивановиче.

...А его отец — в Атлантике. В жарком машинном отделении он, сидя на корточках, чинит движок. На палубе матросы и учёные ворочают принесённые тралом туши серебристых тунцов...

Комната плыла в темноту. По шоссе шли машины. От их фар светилась карта. Материки и острова отражались пятнами на потолке.

О стену ударилась ночная бабочка. Она вцепилась в карту и отправилась путешествовать. Мохнатая бабочка ползла вдоль побережья Аляски к островам Медный и Беринга, где весною по-собачьи кричат котики и на пустынном берегу стоит могила отважного русского командора... Ксанф... Ему теперь плохо...

А Сергей?.. У Сергея теперь всё должно быть хорошо.

МНЕ НАДО ПОДУМАТЬ

Они стояли друг против друга. На троллейбусной остановке.

— Я не видел тебя больше месяца, — сказал Сергей.

— Здравствуй, — ответила Лена.

— Я приходил к твоему дому...

— Я была занята: у меня практика.

— Можно тебя спросить?

— Спроси.

— Тебе кто-нибудь рассказывал, как всё было?

Лена пожала плечами.

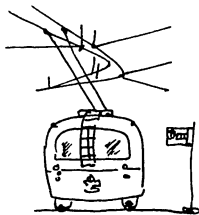
— Видишь — до сих пор какая рука. Нож был грязный.

— Сам виноват: твои дружки.

На шоссе показался троллейбус.

— Лена, — сказал Сергей и тронул её пальцы.

— Что?

— Пойдём как-нибудь в Корсонес? Как тогда... Завтра, послезавтра — когда хочешь. Я найду за тобой — и пойдём.

Троллейбус подкатил к станции, описал широкий полукруг и остановился. Пассажиры, один за другим, начали соскакивать с высокой ступеньки на асфальт. Среди пассажиров был Эдик. Проходя мимо Лены, он поклонился.

Лена едва заметно кивнула головой.

— Чего это он? — спросил Сергей.

— Вежливый человек.

— Так ты как?

— Не знаю... — сказала Лена. — Ты не учишься даже в вечерней школе... Суд скоро?

— В декабре.

— Ты пойдёшь?

— Придётся... Ну, так как?

— Мне надо подумать.

— Ну что ж, — сказал Сергей, — я понимаю. Но я приду, я всё равно приду.

Лена кивнула. Заурчал мотор троллейбуса. Лена побежала к дверям машины. Железные створки, чавкнув резиной, медленно закрылись за ней.

У КСАНФА

— Пётр, ты свободен?

Николай Иванович остановился и подождал, когда Пим подойдёт к нему.

— Да.

— Тогда идём с нами.

В стороне стояла Зойка и смотрела на дорогу. В пальцах она вертела жиденькую веточку лоха. Узкие серебряные листочки пачкали её руки белой пылью.

— Мы идём к Ксанфу, — сказал Николай Иванович.

В маленькой палате пахло краской и лекарствами.

На столе лежал забытый кем-то букет сморщенных георгинов.

Сестра внесла халаты. Николай Иванович надел свой халат и ушёл.

Зойка стояла у стола и, не глядя на Пима, заложив руки за спину, ловила пальцами тесёмки.

Пим подошёл к ней, взял щепотью тесёмки, завязал узлом.

— Спасибо, — сказала Зойка, обошла Пима и тоже завязала ему халат.

Вернулся Николай Иванович. По длинному белому коридору прошли в палату.

В палате помещались двое.

Один лежал, натянув до подбородка одеяло. Чёрные волосы в беспорядке падали ему на лицо. Лицо было бледное. Глаза полужакрты.

Второй сидел.

Он повернул голову, и Пим узнал Ксанфа. Старик очень изменился. Морщинистое лицо его потемнело, глаза блуждали.

— Ксаверий Антонович, мы к тебе, — сказал Николай Иванович.

Подвинув табуретки, сели.

— Мне... плохо, — тихо, отдельно сказал Ксанф.

— Ты узнаёшь меня?

— Ты — Николай, — ответил старик.

Николай Иванович приподнялся.

— Это Зоя. А это её товарищ. Ты должен его знать, он из твоей школы.

Ксанф безучастно кивнул.

— Вечером здесь, — он показал на круглый чёрный наушник, висящий у кровати, — скрипки. Очень хорошо играют. Из Москвы.

— Ты сам неплохо играл.

Старик кивнул ещё раз.

— И картины. Я видел в Ленинграде картину... — он заволновался, привстал и широко развёл руками. — Она...

Николай Иванович усадил его.

— Тебе надо поправляться. Поправишься — будешь жить

теперь у меня, в Корсонесе. Отремонтируем тебе щитовой домик. Будешь со мной...

При слове «Корсонес» Ксанф поднял голову, потухшие было глаза его блеснули.

— Да, — прошептал он, — да...

уйди-уйди

Пим и Зойка стояли перед больницей, на обочине дороги.

Николай Иванович задержался у врача.

Пим мрачно смотрел себе под ноги.

Зойка нагнулась и сорвала колючий голубой колосок.

— Знаешь, что это? — не глядя на Пима, спросила она.

— Нет.

— Уйди-уйди. Если положить его в ладони и потереть — вот так, — он сам выползет из рук.

Зойка пошевелила ладонями, и голубой колосок послушно пополз вверх.

— Вот так уходят и люди, — сказала она. — Тебе тяжело? Ты всё время о чём-то молчишь.

Пим медленно поднял лицо.

— Я о Сергее, — сказал он. — Ты ведь знаешь, он дружит с Леной. А Толик говорит...

Пим стиснул зубы.

— Идём к морю? — предложил он.

— Холодно.

— А я пойду.

Из больницы вышел Николай Иванович. Зойка взяла его под руку, и они пошли по дороге к дому.

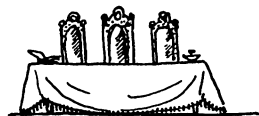
Пим свернул в Корсонес.

...Развалины. Весной здесь полно маков. Алые чашечки с чуть заметным терпким запахом. Если нанюхаешься, — болит голова...

Едва Пим скрылся из вида, Зойка отпустила дядину руку.
— Дядя Коля, — сказала она, — если бы отец был жив, а у меня появился товарищ, что бы он сказал? Вы мне давно не рассказывали про отца. Он очень любил маму?..

ЛЕНА, ЗОЙКА И ПИМ

Зойка тащила по лестнице мусорное ведро.

— Не надорвись, — сказал Пим.

Он стоял в подъезде, в дверях. Прямо посреди прохода.

— Пропусти, — сказала Зойка и поставила ведро.

Пим, нахмурясь, посмотрел на неё.

— Слушай, — сказал он, — а часто бывает, что судят невиновного?

— Не знаю, — сказала Зойка.

— На суд придут свидетели, скажут: «Виноват такой-то, мы его видели». Судья поверит. Посадят. И никто не узнаёт правды.

— Узнают.

Во дворе показалась Лена. Она вошла в подъезд и остановилась около Зойки.

— Что ж ты сама носишь вёдра, — сказала она и улыбнулась. — У нас в доме столько мальчиков.

Пим покраснел.

— Я сама, — сказала Зойка.

— А вместо кос я бы сделала причёску. У тебя хорошие волосы.

Лена кивнула и, цокая каблучками, начала подниматься по лестнице.

— Правда, она красивая? Самая красивая в школе, — сказала Зойка.

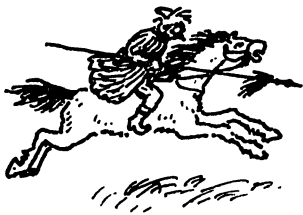
— Да? — Пим удивлённо посмотрел вслед Лене.

— И Сергей тоже. Я люблю, когда они идут вместе... А танцует знаешь кто лучше всех? Эдик.

Пим презрительно усмехнулся.

— Я пойду на суд, — сказал он.
— Конечно. Все пойдут. И я тоже.
Пим помолчал и примирительно добавил:
— Я бы вынес тебе ведро, светло только. Ночью бы — вынес. Завтра опрос по русскому языку, помнишь?

ИСТОРИЯ

Опроса не было.
Лидия Гавриловна не пришла.
Вместо русского была история.
Первый раз Лидия Гавриловна не пришла на урок.

По классу растекался неторопливый голос Зинаиды Фёдоровны.

— Кроме Киевской Руси, на территории нашей страны были и другие государства.

На камчатке зашептали:

— Толик говорит — Хлысту лет десять дадут.

— Эдик, когда его ловил, два раза в него стрелял!

— В тринадцатом веке на Русь напали несметные полчища кочевников монголо-татар. О завоевателях говорили: «У них мужество льва, хитрость лисицы, хищность волка, задор петуха».

У окна тоже вспыхивал и погасал шёпот. Люда убеждала Зойку:

— Ты пойдёшь к Лидии и скажи: «Я хочу сидеть, как год назад, с Меньшиковым. Для пользы класса. Нам нужно выпускать стенгазету...»

— Вступив на русскую землю, враги прежде всего напали на Рязанское княжество. Рязанские князья стали просить помощи у соседа... .

— В четвёртом классе проходили то же самое!

— Соседи — ещё ничего не значит. Мы с Теляковым сидели год, и никто не сплетничал.

— С чего ты взяла, что я хочу с ним сидеть?

— ...но владимирский князь ответил посланцу: «Враги напали на вашу землю, вы и защищайтесь...»

— Князь владимирский, князь владимирский... — в ушах у Пима звучал голос следователя: «За дачу ложных показаний...» Только подлец может дать ложные показания!

— На машине все числа в двоичной системе. Два в степени...

— Десять лет не дадут.

— Ты думаешь, я не вижу, какие у вас отношения?

Через полуоткрытую форточку ветер доносил слабый шум моря. Вода уже холодная — брр!

— Урок окончен. Оставшееся время отведём на вопросы... Что ты хочешь спросить, девочка?

— Почему не пришла Лидия Гавриловна?

Зинаида Фёдоровна выпрямилась. Лицо её сделалось строгим и официальным.

— У вашего классного воспитателя сегодня свадьба. Она выходит... — завуч посмотрела на часы, — она вышла замуж за преподавателя нашей школы Виктора Петровича Тимошенко. Староста класса может изменить её фамилию в классном журнале.

АГА, Я ГОВОРИЛ!

— Ага!— Телевизор стоял против Пима и бесстрашно ухмылялся. — Ага, я говорил?

— Ну, говорил.

Пим не знал, как поступить. Вздуть Телякова? Вроде бы не за что.

— Подумаешь, вышла замуж. Все выходят замуж, — небрежно сказал он и покоился на девчонок.

Девчонки сбились в кучку. Они шептались отчаянно, неистово. Ничего не понять! Наконец Зойка и Люда отделились от кучки и подошли к Пиму.

— Завтра, — сказала важно Люда, — каждый порядочный человек должен...

СЛОЖНОСОЧИНЁННОЕ

На сердце у Зинаиды Фёдоровны было беспокойно.

— Такой невыдержанный класс, — размышляла она вслух, — экзальтированные дети. Впервые сталкиваются с браком. Сегодня они могут сорвать урок.

Завуч вышла из кабинета, поднялась по лестнице и направилась к седьмому «а».

У двери стояла Лидия Гавриловна и плакала.

— Милочка! — Завуч всплеснула руками. — Я так и знала. Эти ваши восьминогие...

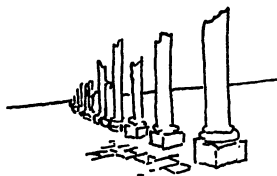
Она распахнула дверь.

Класс был завален цветами. На каждой парте лежал букет. На столе, на окнах — всюду цветы.

Ребята сидели притихшие и испуганные.

— Это я сама... — сказала Лидия Гавриловна. — Простите. Сегодня у нас сложносочинённое предложение. Я сейчас начну урок.

АЛГОРИТМ

На перемене к Пиму подошёл Рафик.
— Когда будем ещё играть? — спросил он.

— С кем?

— Со слободскими.

Пим пожал плечами.

Из соседнего класса вышел Виктор Петрович.

— О чём шумите? — спросил он, подходя к мальчишкам.

— Мы шумим шёпотом, — сказал Пим.

— Виктор Петрович, — сказал Рафик, — давайте сделаем так, чтобы и Меньшиков ходил к нам в кружок.

— Я приду, — сказал Пим. — С делами разделаюсь — и приду.

— К нам все придут. Знаешь, какими штуками мы уже занимаемся? Алгоритм. Программа. Скажите ему, Мергерян, что это за звери.

— Алгоритм — это такой порядок, Пим, — сказал Рафик. — Порядок, в котором считает машина.

— У всего на свете есть алгоритм, — сказал Виктор Петрович. — Всё, что делается осмысленно, имеет алгоритм. Я знаю, ты играешь в футбол. Как надо бить одиннадцатиметровый удар? Выбрать самое трудное для вратаря место в воротах — раз, разбежаться — два, ударить — три, подбежать ещё ближе, вдруг вратарь отобьёт мяч на тебя, — четыре. . .

— Это записано в правилах, — сказал Пим.

— Правила и есть алгоритм. Когда-нибудь разработают алгоритм поведения человека. Знаете, каким должен быть человек?

— Сильным.

— Храбрым.

— Весёлым.

— Организованным. . . А теперь скажи ему, что такое программа.

— Программа — это все-все команды, которые идут в машину. Все приказания — что ей делать, — объяснил Рафик. — Сложить, отнять, запомнить.

Виктор Петрович кивнул.

— Алгоритм — это куда идти, а программа — как переставлять ноги, — сказал он. — Алгоритм — это задача. а программа — руководство к действию. Сегодня после уроков в кружке для старшеклассников я буду рассказывать про алгоритмы. Приходите.

— Спасибо, Виктор Петрович, сегодня я занят. У меня дело. В Корсонес надо бежать, — сказал Пим.

— Пим, молоток у тебя?

— Ыы-ы!

— Чего ты мычишь?

— Тьфу! — Пим выплюнул изо рта гвоздь и швырнул молоток Толику.

Выйдя на крыльцо, он блаженно потянулся.

Домик был маленький — три на четыре, двенадцать квадратных метров. Когда в нём ходили, домик скрипел и пошатывался. Гвозди повизгивали в сухих, тонких досках. С потолка, как бабочки, слетали чешуйки прошлогодней краски.

— Пим, а печка?

Печку обещал Николай Иванович.

Без печки в таком доме — каюк.

— Стёпа, смотался бы ты за ней!

— У нас клей готов.

Пим махнул рукой и пошёл за печкою сам.

Толик и Степан взялись за обои.

— Знаешь что, — сказал Толик, — чего их мазать по штуке? Давай намажем стену и будем на неё клеить.

В селе стены белили. Степан решительно потрянул головой.

Остудили клей и веником промазали одну стену. По мокрому налепили обои. Они сразу запузырились.

— Ничего, — сказал Толик, — они всё равно в крапинку.

Грязным ногтем он сколупнул со щеки прозрачную пластинку клея.

Степан критически осмотрел стену.

— Эти давай по-людски, — сказал он. — Как Николай Иванович говорил. Мазать по штуке.

Пузырей на стене с каждой минутой становилось всё больше.

Толик грустно кивнул.

— Поберегись! — раздался голос Пима.

Дверь распахнулась, и Пим с громом вкатил в комнату маленькую чугунную печь.

— Николай Иванович сейчас придёт, — отдуваясь, сказал он. — Зойка трубу несёт — сегодня ставим!

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ

«Первым чувством Маши по отношению к этому человеку была благодарность, вторым — оно пришло позже — стала любовь». Сейчас мы разберём это предложение. Люда Усанова!

— Сложносочинённое предложение в первой половине которого... — Отбарабанив, Людка села.

— Верно. Теляков, назовите части речи, которые встречаются в этом предложении.

— Первым — числительное порядковое. Чувством — имя существительное. Творительный.

— Марокко, так?

— Так нехай.

— Что такое «Маша»?

Пим тяжело вздохнул. Сергей и Лена. Мать и отец. Лидия Гавриловна и Виктор Петрович. У всех всё по-разному. Запутаться можно.

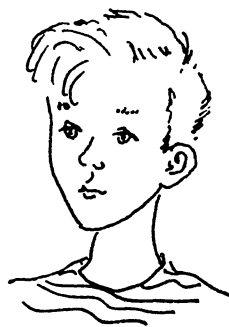
— Меньшиков, что такое «любовь»?

— Любовь — это неопределённое существительное, — тихо сказал Пим.

Класс фыркнул.

Пиму хорошо была видна Зойкина щека и пушистая кисточка над ухом. Зойка сидела не шевелясь.

Под её рукой лежала записка. Маленькая полоска бумаги. В ней Николай Иванович сообщал директору школы, что в связи с назначением на новое место службы и срочным отъездом в Москву он просит выдать на руки школьные документы его племяннице Никольской З.

НЕ ПОЙДЁТ ОН БОЛЬШЕ

Не приходит Сергей.

Он был настоящим другом.

Всё теперь изменилось. Не пойдёт больше Сергей с Пимом в цирк и не будет для фасона выжимать при нём тяжёлый вагонеточный скат...

Изменилась Зойка. Третий месяц вслед ей оборачиваются десятиклассники. Лидия Гавриловна увидела Зойку после лета, остановилась, долго смотрела и сказала: «Вот ты какая стала!».

Лидия Гавриловна запоем читает стихи. Может, поэтому она увидела то, что не сразу заметил Пим?

Не будет больше Зойка играть в футбол.

Пим вышел на перемену.

У окна братья Руденко играли в шахматы. Маленькие магнитные шахматы, которые умещаются на ладони. Отец привёз их из Симферополя.

Костя снял коня.

— Не пойдёт он больше, — сказал он. — Шах!

Прямо на Пима шла Зойка. От директора.

— Я уезжаю, Пим, — просто сказала она. — Ты вечером будешь в музее? Около колокола. Часов в шесть?

...Очень тихо в школе. Так тихо, что слышно: стучат о чёрно-белые поля маленькие магнитные шахматы.

Я БУДУ ПИСАТЬ ТЕБЕ

Пим перелез через развалины шестой — самой близкой к морю — башни. Тропинкой, над морем, прошёл к колоколу.

Был прохладный октябрьский день. Низкое солнце розово светило сквозь облака. Жухлая, посеревшая степь убегала холмами за горизонт. Зеленоватое море пересекали тёмные полосы волн.

От каменных столбов, между которыми висел колокол, отделилась фигурка.

Пим подошёл к Зойке.

Молча они пошли вдоль моря.

— Послезавтра мы уезжаем, — сказала Зойка.

Пим кивнул.

— Дядю переводят. В Москву. Мы с тёткой уедем раньше. Из-за квартиры.

Пим сошёл с тропинки и побрёл по ломкой сырой траве.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Пим искоса посмотрел на Зойку. Какая она сейчас взрослая!

— Мы с Толиком будем тебе писать.

Зойка грустно улыбнулась.

— Вместе?

Пим остановился.

— Помнишь, я дала тебе тетрадь? — спросила она.

Пим кивнул.

— Это была не чужая тетрадь, а моя. Ты ничего не понял.

Пим почувствовал, что краснеет.

— Можешь особенно не задаваться, — сказала Зойка. — Это было в прошлом году.

Пим угрюмо молчал.

Зойка остановилась и стала чертить носком туфли на земле палочки.

«А вдруг она красивая? — со страхом подумал Пим. — Наверно, красивая. Недаром на неё так смотрят десятиклассники».

— Ты где будешь в Москве? — выдавил он из себя.

— Я оставлю тебе адрес.

— Я буду писать тебе, — снова сказал Пим.

Он осторожно взял в руку узкую Зойкину ладонь, и они пошли назад к колоколу.

С моря налетел слабый порыв ветра.

Колокол качнулся. Тяжёлый язык его коснулся бронзовой стенки.

Пим и Зойка зашли под колокол.

Тихий гул нарастал вверх, давил на уши. Зойка вцепилась в руку Пима. Мерно дрожа, колокол ронял на них упругие, тугие волны.

Не говоря ни слова, не разнимая рук, они вышли из-под колокола и пошли к пролому в стене, потом, через пролом — по тропинке, мимо раскопок, к домику Ксанфа.

У домика стояли Николай Иванович, Толик и Степан.

Николай Иванович держал в руках шляпу.

— Зоя, Пётр, — сказал он. — Мне только что позвонили по телефону из больницы. Умер Ксанф.

КЛЯНУСЬ НЕ ПРЕДАВАТЬ

Весь вечер Пим провалялся на диване. Он не делал уроков. Он опоздал в булочную. В ушах его гудел колокол. Зойка. Почему есть счастливые люди, такие, как Лидия и Виктор, и несчастные, такие, как Ксанф?

Вчера Лидия Гавриловна и Виктор приходили в музей. Они стояли рядом с Пимом и не заметили его. Виктор тронул губами руку Лидии Гавриловны и сказал: «Тёплая». — «А вот и нет!» — сказала Лидия Гавриловна и счастливо засмеялась. Отец никогда не целует рук матери. А у неё тоже тёплые руки. Люди по-разному понимают счастье. Отец плавает месяцами, на несколько дней приходит домой. Для него эти дни — счастье. А мать? «Вы счастливая, — часто говорит ей Язиха. — Он привозит вам такие кофточки!» Мать их почти не носит. В письмах отца тайком от Пима она исправляет ошибки. . .

По низкому потолку бродили светлые полосы.

Вчера на Морском бульваре сняли волейбольную сетку. Последние солнечные дни.

Зойка уезжает через два дня. Он будет писать ей.

«Клянусь не предавать Корсонеса. . .» Клянусь не предавать друзей, и своей страны, и всего, о чём мы говорим, и лю-

дей, у которых мы учимся жить... Сергей. Таких, как Сергей, тоже нельзя предавать...

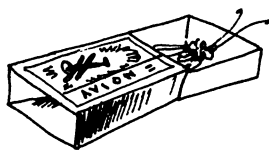
Когда мать пришла, Пим спал. Он спал в ботинках, в рубашке, в брюках. Смятая куртка лежала на полу. К рукаву прицепился голубой ершистый колосок. Их много у больницы, на кладбище, на футбольном поле, в школьном дворе. Всюду, где любила бывать Зойка.

Зойка уезжает через два дня...

КАК ДЕЛА, КОСМОНАВТ?

Сегодня похороны Ксанфа...

Зойка сидела на камне у дома и ждала, когда Николай Иванович вернётся с кладбища.

Из-за дома вприпрыжку выбежал Язык. Правая рука его была сжата в кулак.

Завидев Зойку, Язык подбежал к ней.

— Как дела, космонавт? — спросила Зойка.

— А правда, все бабочки — клетчатые? — спросил Язык и заглянул Зойке в глаза.

— Правда.

— И нерв у них есть?

— Есть.

— Значит, они хотят жить! — грустно промолвил Язык и разжал маленький потный кулак.

В кулаке лежала голубянка. Длинные, как у стрекозы, крылья были смяты, голубое пыльное пятнышко растекалось по ладошке.

Зойка осторожно, шепотью взяла крылатое тельце.

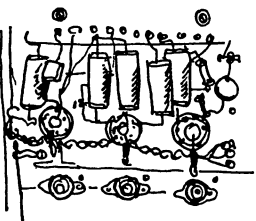
— Принеси коробок, — сказала она, — мы её похороним.

Язык вернулся через минуту.

— Мама сказала, что я сожгу дом, — сказал он.

— Хорошо, я сама похороню её, — сказала Зойка. — Я обещаю тебе.

МАШИНА РАБОТАЕТ ХОРОШО

В день Зойкиного отъезда Пим после школы не пошёл домой.

— Помогать не надо, мы сами, — сказала Зойка.

... Сейчас из подъезда выносят её вещи...

Пим пошёл в комнату, где стояла машина.

Там были Виктор Петрович, Степан и Рафик.

— А вот и Меньшиков! — обрадовался Виктор Петрович. — Пришёл-таки. Я знал, что ты придёшь. Тут, дорогой мой, такие дела! Мергерян и Марокко уже профессора!

— Дважды два всё ещё пять? — спросил Пим.

Виктор Петрович подошёл к машине и набрал кнопками две двойки.

— Умножаю!

Он включил умножение. Лампочки погасли, и вместо них зажглась одна на третьей дощечке с краю.

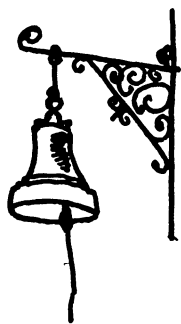
— Два во второй степени — четыре, — довольный, произнёс Виктор Петрович. — Машина работает хорошо. Так какая наука самая интересная?

— Математика, — сказал Пим.

— И кем ты будешь?

— Историком... Виктор Петрович, вы идёте на вокзал?

НА ВОКЗАЛЕ

Провожать Зойку пришёл весь класс.

Сначала молчали. Потом начали качать Телякова.

— Он, что ли, у вас уезжает? — спросила проводница.

— Он, — ответил Пим.

— Холодно будет ему в рубашке: за Орлом снег. И нестриженный, какой срам!

Николай Иванович, понизив голос, говорил Виктору и Лидии Гавриловне:

— Суд назначен на декабрь. Главное, чтобы Хлыст не запутал Сергея. Лжесвидетельство и прочее. В случае чего поднимем всю школу — он ведь учился у вас, пойдём в горком...

Время тянулось медленно. Наконец радио объявило:

— До отхода поезда осталось пять минут!

Стали прощаться.

Взрослые целовались. Девчонки облепили Зойку. Люда всхлипнула.

— Лидия Гавриловна, можно, я и мальчиков поцелую? — спросила Зойка.

Девчонки взвизгнули.

— Конечно, нет, — ответила Лидия Гавриловна и засмеялась.

Зойка бросилась ей на шею. Потом подошла к Телякову и звонко чмокнула его в нос. Николай Иванович захохотал. Когда очередь дошла до Пима, Зойка тронула сухими губами его щёку и тотчас же отошла.

У Пима отчаянно заколотилось сердце. Он отвернулся. Раздался гудок. Поезд медленно тронулся.

ПОЕДУ ОБРАТНО ...

С вокзала шли втроём: Толик, Степан и Пим. На Большой Корабельной их догнал Виктор Петрович.

— А где Лидия Гавриловна? — спросил Толик.

— Она пошла в методкабинет.

— Виктор Петрович, я уезжаю, — сказал Степан.

— Что? — Виктор Петрович остановился.

— Батьке здесь не нравится, в совхоз хочет. Кончу седьмой класс — и уедем.

Пим удивлённо покрутил головой.

— А ты оставайся у нас, — сказал он, — мать разрешит, Её попросить только.

— Та ладно, — сказал Степан. — Поеду!

Виктор Петрович покачал головой.

— Ты, Стёпа, подумай, — сказал Толик. — Пим верно говорит... А ты на тракторе можешь?

— Могу.

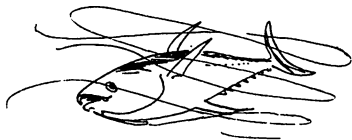
— Вот здóрово!

Толик присвистнул, поднял с земли камешек и швырнул его в воробья.

Виктор Петрович постоял, повернулся и пошёл куда-то в сторону.

— Стёп, — сказал Толик, — будешь уезжать, башмаки продай. К ним шипы набить, такие бутсы выйдут — блеск!

ОЧЕНЬ СКОРО

Третье письмо. Оно лежало распечатанное. На столе.

«Здравствуйте, Мария и Пётр!

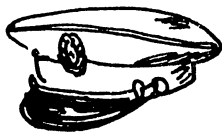
Пишу наверное последний раз. Потому что возвращаемся на нашу родную советскую землю. Очень это получилось скоро не вышло и полного года. А ведь на переоборудование успели сходить в Калининград и сходить на Кубу успели. Снова мы у ганских берегов. Ищем тунца. Хвост у него полумесяцем. Сам с белугу. Рыба очень вкусная. Старший механик обещает в ганском порту Тема на берег отпустить непременно. Прошлый раз стояли мы в этом порту, так у меня движок барахлил и не пошёл я на берег. Движок мой динамо крутит. Как без него? Очень прошу тебя Пётр хорошо учиться, потому что душа у меня не спокойна. Если вздумаешь ружьё подводное сделать подожди меня. Когда ставишь на него пружины клёпку надо делать, сноровку надо иметь, и пружин у тебя таких нет.

Целую вас обонх вот и увидимся

Ваш отец Иван».

Пим вышел во двор. Двор, по которому ветер клочьями нёс побуревшую траву.

Вспрыгнув с разбегу на плоский инкерман, Пим качнул камень. Из-под инкермана выкатилась синяя жужелица, волоча сломанные задние ноги, обползла камень и снова спряталась под него.

Со стороны слободы степью подходил Сергей.

— Я к тебе, — сказал он. — Учебник надо. По алгебре.

— Зачем?

— В вечернюю школу поступил.

— А море?

— Потом. Ты Лёну не видел?

Пим нахмурился.

Хлопнула дверь.

Из подъезда вышли Лена и Эдик. На Лене было голубое с широкими рукавами пальто. Она смеялась, то и дело трогала Эдика за руку. Эдик был в гражданском пиджаке, без фуражки. Он взял Лёну под локоть, и они пошли через двор.

Проходя мимо Сергея, Лена отвернулась.

Лицо у Сергея было бледным.

Эдик отпустил Лёнин локоть и подошёл к Сергею.

— Так, брат, случилось, — негромко сказал он и положил Сергею руку на плечо. — Ты извини, но факт...

Сергей тихонько снял его руку. Эдик потоптался и пошёл догонять Лёну. Они ушли к остановке.

Сергей неловко повернулся, задел локтем Пима и тоже пошёл прочь.

Он снова шёл степью. К слободе.

Шёл, опустив руки и подняв плечи. Тяжёлые плечи штангиста,

Зима началась в ноябре. Без снега, без холодов.

С моря на город поползли бесконечные вереницы туч. Серые нити дождя повисли до самой земли.

Море заштормило.

По Приморскому бульвару, по Исторической горке летели белые, как хлопья снега, бумажки. Они кружились между пустыми киосками, сбивались у подножия акаций в маленькие сугробы.

Заколоченные крест-накрест досками, стояли пустые летние кинотеатры, рестораны и кафе-мороженое «Юг».

У газетных ларьков с утра выстраивались очереди. Радио передавало тревожные известия. Враги свободы грозили вторжением зелёному острову в океане.

ЧТО ТАКОЕ КУБА?

Был забыт футбол. Была забыта машина. На каждом уроке Толик задавал учителям вопрос:

— Что такое Куба?

Зинаида Фёдоровна сказала, что Куба — это знамя международной пролетарской солидарности...

Виктор Петрович сказал, что Куба — это остров площадью 114,5 тысячи квадратных километров, вытянутый в юго-восточном направлении...

Лидия Гавриловна сказала, что Куба — это сложная смесь испанской культуры с культурой негров, а также культурой истреблённых завоевателями индейцев...

Даже Теляков понял, что Куба — это очень много.

ВОЙНА

Раньше Пим не задумывался над тем, что такое война.

У отца на спине был шрам. Розовый шрам, под которым сидело раздробленное и повернутое набок ребро. «Севастополь!» — говорил отец. «Он еле ходил!» — объясняла мать. Она познакомилась с отцом в госпитале.

У Зойки отец умер рано. В первый год войны он попал в плен. В фашистском лагере его били колючей проволокой. С тех пор до самой смерти отец болел. «Он был бы сейчас совсем молодой», — говорила Зойка. В рассказах матери отец всегда был молод...

В защиту Кубы провели сбор.

Лидия Гавриловна сказала, что только отличной учёбой седьмой «а» может помочь далёкому острову.

Толик рассказал про Николая Ивановича и про восставших солдат, расстрелянных на галечном пляже. Он говорил полчаса.

Степан сказал, что обещает вместе с Мергеряном составить для машины программу умножения на число «пи»...

— Так какая всё-таки у вас была повестка? — спросила Пима после сбора Зинаида Фёдоровна.

— Против войны, — подумав, ответил Пим.

ОДИН-НОЛЬ

Слободские сражались зло. Два края, перебрасывая друг другу мяч, рвались к воротам. Вратарём был Толик. Один раз его уже сбили.

В траве за его воротами стоял будильник. Восьминогие играли всемером.

Шёл второй тайм.

Прямо по центру бежал Пец. Он был в ста-

рых, но зато настоящих бутсах; Толик выбежал вперёд. Пеца обвёл его. Мяч, подпрыгивая на кочках, катился в пу-
стые ворота.

Пим бежал наперерез. Он не успевал дотянуться ногой до мяча. Закрыв глаза, он бросился на мяч и прижал его руками к земле.

На поле стоял крик. Радостно вопили слободские. Толик кричал: «Не было руки!»

Рука была. Мяч установили в одиннадцать шагах от ворот.

Бил Пеца.

Он разбежался. Удар! Шип задел землю, трес! — от-
скочила подошва, мяч не торопясь покатился к Толику.

— Нету!

ВОСЬМИНОГИЕ, ВПЕРЁД!

До конца матча оставалось две минуты. Пим подхватил мяч и помчался с ним к штрафной площадке противника. Справа от него нёсся Степан. Сзади, отдуваясь, трусил Теляков. Пим паснул вправо. Степан пригнулся и изо всех сил пустил мяч вдоль ворот. Мяч попал в голову Телякову — бац! — и влетел в ворота.

Гол!!

Телевизор охнул и сел. Из глаз его текли слёзы.

Восьминогие бросились обнимать его.

Не успели мяч донести до центра, как из травы залиvisto
грянул будильник.

Матч закончился. Один-ноль.

— Эй! — крикнул Толик. Сбившись в кучу, слободские уже покидали поле. — Как зовут вашу команду? Даём теле-
грамму в Москву.

— «Слобода», — сказал Рафик, счастливо улыбаясь.

От кучки слободских отделился Пеца и, хромая, пошёл прямо на Пима. Теляков на всякий случай отбежал в сторону.

— Знаешь что, — сказал Пеца и поморщился, — давай одной командой играть, а?

— Конечно! — Пим радостно засмеялся. — Конечно, од-
ной! У вас сколько человек?

— Четыре. Остальные не хотят.

К вечеру холодало. Закапал и перестал дождь.

— Нам как раз четверых не хватает, — сказал Пим. — Будем тренироваться всю зиму, а весной подадим заявку. На кубок дворовых команд. Идёт?

Он повернулся к восьминогим. Те стояли молча.

— Забыл? Батя весной уезжает. В совхоз. А я в Симферополь, в интернат, — сказал Степан. — Виктор Петрович устроил. Он в Облоно раз пять ездил. Хороший интернат — для математиков.

Рафик вздохнул.

— И я уезжаю, Пим, — сказал он. — В Ереван, к дедушке. Очень он нас зовёт.

Руденки переглянулись.

— Мы тоже не будем, — сказал Костя. — У нас теперь шахматы три раза в неделю. И английский. Нам и так сегодня от мамы влетит.

Толик и Теляков вопросительно посмотрели на Пима.

Пим грустно кивнул.

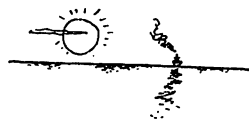
— Ну ладно. Раз никто не может... Кончился наш футбол. Пошли? — предложил он.

— Пошли!

НИКАК НЕЛЬЗЯ

Море было настороженное. И тихое.

Багровое солнце медленно опускалось за горизонт. Багровый диск, надвое перерезанный тонкой облачной полосой.

Берег чернел. Длинные тени тянулись от корсонецких утёсов в степь.

На берегу у колокола стояли Виктор Петрович и Лидия Гавриловна.

Они стояли молча. Тесно, рядом, плечами касаясь друг друга.

Они смотрели на море.

Далеко за горизонтом проходила гроза. Она шла не торопясь, погромыхая, тускло светя зарницами.

— Как взрывы... — не то спрашивая, не то объясняя сказала Лидия Гавриловна.

Виктор Петрович кивнул.

За их спинами в развалинах протяжно закричала птица.

— Витя, — тихо сказала Лидия Гавриловна, — неужели война может быть снова?

Виктор Петрович без улыбки посмотрел на неё.

— Не думаю, — медленно сказал он.

— Ведь нельзя. Никак нельзя, — шепнула Лидия Гавриловна и ещё теснее прижалась к его плечу.

— Войны не будет. Я обещаю тебе, — серьёзно сказал Виктор Петрович.

Под обрывом щёлкнул камень.

Виктор Петрович заглянул вниз.

У самой воды, поскрипывая галькой, шли семь теней. Семь мальчишек возвращались домой.

Они шли цепочкой, шагая след в след.

Одиннадцать восьминогих... Команда, о которой мечтал Пим. Их никогда не было больше семи...

Проходя под колоколом, Пим поднял голову и увидел: у колокола стоят двое взрослых. Мужчина и женщина. Стоят плечо к плечу и внимательно смотрят на него — Пима.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

ДВАЖДЫ ДВА — ПЯТЬ

Весна	7
Некрасов, Степан и зайцы	7
Ксанф	9
Бухта Восьминогова	9
С ума сошли с этим футболом	11
Болезнь номер один	12
Мать	13
Отец	14
Тэк-с!	15
Пространство без воздуха	16
Бицепс — во!	18
В другой раз	19
Дональд плюс Джеральд равняется забор	20
Марокко — страна в Африке	22
За буквами стоят звуки	23
Это почти суд!	24
Карта	25
Будем играть	26
Сухой лист	27
«Железный могол»	27
Что она будет делать?	30
ЭВМ	31
Число «пи»	32
Инспектор	33
Это сплошной ужас!	35
Южное сияние	36
Зойка	37

Зелёная тетрадь	38
Драка	40
Я ненавижу тебя!	41
Снова Ксанф	42
Гол!	44
Умножим два на два	46

Часть вторая

КРАЙ ТАИНСТВЕННЫЙ И ЧУДЕСНЫЙ

Лето	51
Две минуты	51
Колокол	52
Николай Иванович	53
Однажды у горизонта прошёл смерч	54
Целуйся с ними сам!	55
Синяк	56
Второе письмо	57
Амфора	58
Расстрел	60
На кладбище	62
Друзей не выдают	62
Мне нужно вам рассказать	63
Камбала	64
Что ты видел?	66
Восемь человек	67
Туман	68
В Корсонесе	68
И снова Ксанф	70
Нет!	72

Часть третья

ЗОЙКА, КСАНФ

Осень	77
Первое сентября	77
Время	78
Кто согласен учиться?	80
Медузы	81
Ресифи	81
Несчастье	82

Люстра	82
Мне надо подумать	83
У Ксанфа	84
Уйди-уйди	86
Лена, Зойка и Пим	87
История	88
Ага, я говорил!	89
Сложносочинённое	90
Алгоритм	90
Всё равно они в крапинку	92
Что такое любовь	93
Не пойдёт он больше	94
Я буду писать тебе	94
Клянусь не предавать	96
Как дела, космонавт?	97
Машина работает хорошо	98
На вокзале	98
Поеду обратно...	99
Очень скоро	100
Лена	101
Зима	102
Что такое Куба?	102
Война	103
Один-ноль	103
Никак нельзя	105

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

*Укажите свой точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».*

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Сахарнов Святослав Владимирович

ОДИННАДЦАТЬ ВОСЬМИНОГИХ

Ответственный редактор *Э. Г. Меркулова*,
Художник-редактор *В. В. Куприянов*.
Технический редактор *Н. М. Сусленникова*.
Корректоры *Ю. А. Бережнова* и *Л. К. Маляко*.
Подписано к набору 15/VI 1964 г. Подписано
к печати 23/I 1965 г. Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 7.
Усл. печ. л. 8,19. Уч.-изд. л. 5,012. Тираж
100 000 экз. ТП 1964 № 254 М-12527. Ленинградское
отделение издательства «Детская литература».
Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 396.
Цена 28 коп.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграф-
прома Государственного комитета Совета Ми-
нистров РСФСР по печати. Ленинград,
2-я Советская, 7.

ЧИТАЙТЕ

**книги, выпущенные для вас
издательством „Детская литература“**

**Барышев М.
ОСОБЫЙ ПАТРУЛЬ**

Рассказы
Рис. Б. Игнатьева
М., 1964, 157 стр.

**Вольф С.
ДОМ В СТО ЭТАЖЕЙ**

Маленькая повесть и рассказы
Рис. Е. Александровой и В. Гусева
Л., 1964, 109 стр.

**Дик И.
ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ**

Рассказы
М., 1964, 63 стр.

**Драгунский В.
ДЕВОЧКА НА ШАРЕ**

Рассказы
Рис. Г. Валька
М., 1964, 175 стр.

**Могилевская С.
ВОСЕМЬ ГОЛУБЫХ ДОРОЖЕК**

Повесть
М., 1964, 207 стр.

**Шманкович А.
МИТЯ И ВИТЯ ЕДУТ В ЛАГЕРЬ**

Рассказы
Рис. Е. Мигунова
М., 1964, 64 стр.

28 коп.